

Раздел II

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ
В РАЗЛИЧНЫХ
СТРАНАХ
И РЕГИОНАХ МИРА

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В АВСТРИИ

Австрия, государственным языком которой является немецкий язык, принадлежит к группе стран немецкой речи, наряду с Федеративной Республикой Германией, Швейцарией (немецкоязычные кантоны) и Лихтенштейном, в которых немецкий язык имеет собственную национальную разновидность (национальный вариант)¹.

По состоянию на 1991 год в Австрии насчитывалось более 7 млн. 800 тыс. жителей, и примерно 99% из них считают своим родным языком немецкий. В соответствии с принятой еще в 1920 году и возобновленной после 1945 года конституцией страны государственным языком является немецкий язык. В федеральных землях Каринтия и Бургенланд проживают национальные меньшинства: в Южной Каринтии — словенцы, в Бургенланде — хорваты, права которых были законодательно закреплены в 1955 году в Вене в Государственном договоре (§ 7). В отдельных местностях Бургенланда проживают представители венгерской народности (мадьяры). В Вене есть национальные землячества чехов и словаков. Принятый в 1976 году австрийским парламентом федеральный закон регулирует правовое положение этих народностей. Региональные языки сохраняют свой статус языков общения в неофициальных ситуациях на соответствующих территориях.

В прошлом (с 1868 по 1918 год) Австрия представляла собой ядро дуалистической Австро-Венгерской монархии, включавшей в свой состав также Богемию, Моравию, Силезию, Галицию, Буковину, Далмацию, Триест и другие земли, после распада которой из нее выделились собственно Австрия и Венгрия, а также Чехословакия, Югославия и территориально пополнились Польша, Румыния, Италия.

К концу XIX — началу XX века империя Габсбургов насчитывала в своих границах около 50 млн. подданных, из которых немецкоязычные жители «габсбургских родовых земель» составляли немногим более 5 млн. человек (Brunner). Австро-Венгрия объединяла на своей территории (помимо немецкоязычных австрийцев и венгров) чехов, словаков, поляков, бело-

¹ Немецкий язык в Лихтенштейне близок по своему своеобразию к швейцарскому национальному варианту и, как правило, не выделяется как особая национальная разновидность. В Люксембурге немецкий язык имеет статус второго официального языка (Amtssprache) и не обнаруживает в связи с ограниченностью употребления черт национального варианта (подробнее см. Домашнев, 1999: 3–10).

русов, украинцев, гуцулов, румын, словенцев, сербов, хорватов, итальянцев, евреев и др., которые населяли так называемую Цислейтанию (часть территории Австро-Венгрии к западу от реки Лейта) и Транслейтанию (собственно Венгрию, Словакию, Трансильванию, Славонию). На всей территории будущего немецко-австрийского государства (Deutschösterreich с 1918 года), т. е. на территории сегодняшней Австрийской республики, проживали 6,5 млн. человек.

В их числе около 1 млн. человек составляли граждане других национальностей, инфильтрировавшихся в собственно Австрию из других частей Австро-Венгрии — чехи, поляки, евреи, рутены и др. (Conze, 1973). При этом немецкоязычные австрийцы и венгры — каждый в своей части имперской территории — считались титульными, господствующими нациями, а остальные малочисленные народы и народности пользовались меньшими гражданскими правами. Привилегированный статус немецкоязычного населения заключался, прежде всего, в преимуществах при занятии ключевых постов в бюрократическом аппарате Австрии, на государственной и муниципальной службе, а также в ведущей роли немецкого языка. Так, невзирая на противодействие его усиленному насаждению в провинциях, немецкий язык стал государственным языком страны уже во время царствования Иосифа II, однако не был еще в то время достоянием миллионов жителей всей империи (см.: Малыгин, 1999: 77–78).

Доминирующее положение немецкого языка по отношению к другим региональным языкам подкреплялось и тем, что региональные центры, такие как Прага в Богемии и Лайбах (Любляна) в Хорватии, также претендовали на роль центров «чистого» немецкого языка. В особенности Прага на протяжении многих веков сохраняла за собой влияние на развитие немецкого литературного языка. Такое положение, как отмечает А.И. Домашнев, было обусловлено тем, что Прага считалась немецкоязычным городом, у которого отсутствовало диалектное немецкое окружение, т. е. не было диалектных немецких сел, обычно окружающих крупные города (ср. Вена и ее сельское диалектное окружение и т. д.) (Domaschnew, 1999). Прага представляла собой, таким образом, крупный немецкий городской языковой остров (Kranzmayr, 1962: 119), который оказывался свободным от немецкого сельского диалектного влияния, поскольку находился в окружении чешских крестьянских сел. Развитию немецкого литературного языка в Праге способствовало наличие знаменитого Пражского университета, привлекавшего к себе внимание студентов и преподавателей из разных немецких городов и регионов. В период пребывания резиденции Люксембургов в Праге сюда съезжались из разных мест знать и представители творческих профессий (художники, поэты, музыканты), благодаря чему здесь «автоматически» складывалась чисто «пражско-немецкая склонность» отказываться от старых диалектных особенностей в речи. Таким образом, пражская городская речь явилась, по мнению крупнейшего австрийского германиста Э. Кранцмайера, первым «немецким диалектом», освоившим свободное от диалекта про-

изношение, фактически создав его. Немецкий язык пражского образца (Pragerdeutsch) пользовался в Австрии вплоть до XX столетия славой «красивейшего и чистейшего» немецкого языка, тогда как венская городская речь до настоящего времени оказывается под воздействием диалектного, в первую очередь звукового, окружения.

Благоприятные условия для формирования идеала литературной немецкой речи складывались и в других немецкоязычных городских островах. Отмечая это, Э. Кранцмайер вспоминал, что и в его юношеские годы существовал обычай, когда состоятельные родители посылали своих сыновей, например из Каринтии (австрийская земля), обучаться «настоящему» немецкому языку в словенскую Любляну (нем. Лайбах), являвшуюся административным центром Крайны, из Тироля уезжали на учебу в Тренто (нем. Триент), тогда как из Вены, Верхней и Нижней Австрии отправлялись за образованием на немецком языке в чешскую Прагу. При этом немецкий язык этих трех городов (Прага, Любляна, Тренто) обнаруживал между собой большое сходство, если отвлечься от незначительных местных особенностей, сохранившееся вплоть до 1918 года, т. е. до распада Австро-Венгрии. Однако наиболее примечательным было то обстоятельство, что так называемый староавстрийский литературный язык, или язык австрийских придворных кругов (Hofratdeutsch), и немецкий язык пражского образца (Pragerdeutsch) до 1918 года походили друг на друга «как две капли воды» (wie ein Ei dem anderen gleichen) (Kranzmayr, 1962: 120). Такое совпадение, безусловно, не является случайным и связано с тем, что габсбургская монархия «лелеяла мечту о национально-языковой интеграции обширной пятерки и, в частности, о создании единой австрийской государственно-политической нации, стоящей над этнической и языковой разнородностью населения» (Нещименко, 1994: 90). Согласно государственной концепции, австрийцы должны были представлять собой своеобразный сплав особой нации, независимо от того, шла ли речь о немецком, чешском, венгерском или же словацком этносах, а также и о словенцах, хорватах и др., общим названием для которых должно было служить «австрийцы». Не случайно, что после распада Австро-Венгрии в кругах немецкоязычных австрийцев, оказавшихся в рамках собственно Австрии, в поисках новой самоидентификации предпринимались попытки объявить себя немцами, проживающими во «втором немецком государстве». Таким образом, в габсбургской империи, и в частности в Австро-Венгрии (1868–1918 годы), название «австрийцы» соответствовало надэтническому понятию, предполагающему использование общего официального языка (немецкого в его австрийской разновидности) в сфере государственного управления и официального общения. Правда, при этом допускалось применение региональных (этнических) языков в повседневном обиходе и на более низких уровнях делового местного общения. Все это предопределяло развитие односторонне направленного двуязычия и широкое проникновение немецких языковых элементов в этническую речь (Нещименко, 1994: 94).

Наряду с этим, постоянный приток других, не немецкоязычных национальностей в австрийские города и прежде всего в Вену в конце XVI века и в начале XIX века привел к тому, что страна находилась на грани многоязычия, т. е. сосуществования региональных языков, о чем свидетельствует языковая ситуация Вены и ее окрестностей в конце XIX века, характеризую которую В. Штайнхаузер отмечал, что если бы Австро-Венгрия сохранила свое существование, то обозначившееся «смешение народов» могло бы привести к «существенным уступкам» в пользу чешского языка в Австрии. Говоря о венском диалекте второй половины XIX века и распространении в Вене чешской речи, Э. Кранцмайер замечает, что Вена того времени находилась на грани билингвизма и это двуязычие не совершилось только потому, что наступил период распада монархии в 1918 году (Kranzmayr, 1953: 205). С распадом этой многоэтнической («лоскутной») империи прекратился и процесс давления славянских языков на немецкий язык Австрии, что обусловило процесс «обратного» развития венского диалекта в направлении к роли общеавстрийского обиходного языка общения (Steinhauser, 1962: 7).

Чешское население, проживавшее в основном в пригородах Вены и в самой столице и составлявшее заметно большую этническую группу, после распада империи либо возвратилось в родные края (Steinhauser, 1962: 7), либо постепенно вросло в структуру немецкоязычного города, утратив со временем и свой родной язык, поскольку других свидетельств этому не удается установить, несмотря на то что в современной Вене около 1/4 семей жителей имеют чешское происхождение (Domaschnew, 1999).

В целом образование австро-венгерской дуалистической монархии сыграло важную роль в развитии собственно австрийской языковой нормы. С начала этого исторического периода австрийская разновидность немецкого языка (*das österreichische Deutsch*) отличается своеобразием и даже самостоятельностью своего словарного состава (в его ядерной части) и грамматического строя, сформировавшихся на основе верхненемецких диалектов, а также заимствований из языков славянских, романских и мадьярских народностей.

После распада Австро-Венгерской монархии Австрия превратилась в многонациональное государство, с преимущественно немецкоязычным населением, на окраинах которого сохраняются небольшие национальные группы, использующие региональные языки в качестве языковой формы повседневного общения. В отдельных местностях языки национальных меньшинств частично внедряются в официальные сферы, например, используются наряду с немецким в указателях, вывесках, надписях.

В настоящее время Австрия представляет собой наиболее ярко выраженный случай формирования собственной национальной разновидности языка среди немецкоязычных стран. Она полностью сконцентрировалась в языковом выражении своего национального своеобразия на национальной вариативности.

В послевоенные годы Австрия прошла путь от полного отказа от обозначения *Deutsch* (немецкий язык) при преподавании родного языка в школе и замены его наименованием *Unterrichtssprache* (язык преподавания) в результате стремления к решительному дистанцированию от Германии и всего немецкого (в период с 1949 по 1952 год) до попыток провозглашения собственного австрийского языка.

Примечателен тот факт, что возвращение обозначения «немецкий язык» связывается с именем тогдашнего австрийского канцлера Леопольда Фигля, который словами «нация — австрийская, а родной язык — немецкий» провозгласил то, что фактически уже было закреплено в параграфе 8 вновь действующей Конституции страны, принятой еще в 1920 году, а именно что «государственным языком Австрийской республики является немецкий язык» (ср.: Pollak, 1992: 62). Такое участие австрийского канцлера в вопросах языковой политики показательно и отражает в целом большее влияние государства на языковое развитие Австрии по сравнению с другими немецкоязычными странами. Однако и деятельность общественных организаций приносит свои плоды. К таким ориентированным на вопросы языковой политики объединениям относится, в частности, основанное в 1955 году Австрийское общество языка и правописания (*österreichische Gesellschaft für Sprache und Schreibung*). Это общество в наибольшей степени из всех австрийских языковых объединений способствует конституированию особенностей австрийского немецкого языка, чему посвящены специальные материалы журнала *Tribüne*.

В противоположность этому австрийский филиал Общества немецкого языка преследует цель сохранения единства немецкого языка. Также объединение *Muttersprache* в наименьшей степени заинтересовано в образовании и сохранении австрийских языковых особенностей. Его основные устремления направлены скорее на чистоту немецкого языка, его освобождение от иноязычных заимствований.

В некоторых кругах австрийского общества время от времени возникают идеи создания собственного австрийского языка — «*Österreichisch*». Такой самостоятельный язык наподобие нидерландского или летцебургского, естественно, означал бы значительно более серьезное коммуникативное обособление Австрии от других немецкоязычных стран, чем образование собственного национального варианта немецкого языка. Основанное еще в 1925 году Австрийское сообщество (*österreichische Gemeinschaft*) отличается именно такой сепаратистской в языковом отношении проавстрийской ориентацией, а его представители, которые непосредственно связаны с изданием словаря *Österreichisches Wörterbuch*, ратуют за признание этого словаря в качестве нормы в Австрии, противопоставляя его словарям издания Дуден, выступают за языковое обособление от Германии и за самостоятельность австрийского немецкого.

Несмотря на все эти усилия, обозначения «язык Австрии» (*Sprache Österreichs*), «австрийский» (*Österreichisch*) или «австрийский язык» (*Österreichische Sprache*), по мнению У. Аммона, по сути, подразумевают

не самостоятельный язык, а именно национальную разновидность немецкого языка (Ammon, 1995: 129). Кроме того, языковое обособление Австрии наталкивается на большие трудности, обусловленные как историческими причинами — продолжительными политическими связями с Германией, — так и лингвистическими — сильным диалектальным взаимодействием с верхненемецким, в особенности баварским, диалектным регионом на территории Германии.

Таким образом, в Австрии усилия, направленные на языковое выражение самобытности нации и ее сохранение, сконцентрированы в значительной мере на развитии национальной вариативности — собственного австрийского нормативного немецкого языка (*österreichisches Standarddeutsch*). Как подчеркивал еще в конце 1960-х годов А.И. Домашнев, в Австрии «область проблем культуры речи (*"Sprachpflege"*) сложно переплетается с вопросами национального строительства». «Сохранение и утверждение отличительных национальных особенностей языка в Австрии» и по сей день продолжает оставаться «справедливой и важной задачей австрийского народа, отстаивающего свой национальный характер во всех областях общественно-политической и духовной жизни, и образует составную часть сферы осознания национального чувства австрийского народа» (Домашнев, 1967: 169, 170).

Одним из наиболее актуальных проявлений такого отношения является увенчавшееся успехом отстаивание австрийской стороной на переговорах о вступлении в Европейское сообщество права на употребление австрицизмов в официальной коммуникации в Европейском союзе. Таким решением Австрия, с одной стороны, почти без ограничений обеспечивает себе коммуникативные возможности наравне с остальным немецкоязычным регионом, с другой — четко выражает свою национальную самостоятельность в языковом отношении.

Австрийский вариант немецкого языка представляет собой многомерную диасистему, состоящую не из дискретных, изолированных субсистем, а образующую социально и ситуационно детерминированный диалектно-литературный континуум при сохранении диалектов в повседневном общении даже в городах. Между диалектом и литературным языком существуют всевозможные переходные ступени, возникшие в результате комбинирования диалектных и литературных форм, а также собственного развития.

Неотъемлемой чертой языковой ситуации в данном регионе распространения немецкого языка является выраженная вертикальная и горизонтальная вариативность, прежде всего существование так называемой диалектной шкалы (У.Аммон) или «ступенчатости» (К.Маттхайер), которые в большинстве случаев можно рассматривать как явление и результат языкового контакта, ориентированного на письменную норму литературного языка, с одной стороны, и используемых в устной речи диалектов, с другой.

Австрийский языковой континуум может быть представлен в виде шкалы языковых форм, укладываемых в четырехступенчатую модель: базисный диалект (сельский или городской) — интердиалект (диалект об-

щения) — обиходно-разговорный язык — литературный стандарт. Такая модель (на основе изучения языковой ситуации преимущественно в восточном — австрийско-баварском — регионе страны) разработана в многочисленных трудах австрийского лингвиста П. Визингера, который указывает, при каких условиях происходит реализация языковых форм: *базисный диалект* (диалект-основа, *Basisdialekt*), т. е. унаследованные от предыдущих поколений местные языковые формы, используется главным образом в качестве *сельского диалекта* (*Landdialekt*) «соблюдающими традиции деревенскими старожилками» в повседневном общении между собой и с более молодыми членами семьи. Базисный диалект закладывает языковую основу всей иерархии языка, поскольку здесь находятся истоки так называемых конституирующих речевых факторов, остающихся неизменными во всех стратах разговорного языка; в городах данной форме языка соответствует так называемый *городской диалект* (*Stadtdialekt*), употребительный в среде представителей нижнего и среднего социальных уровней — рабочих, служащих, ремесленников в повседневной коммуникации, а также на рабочем месте; на основе городского диалекта формируется более молодой слой сельского диалекта — «диалект общения» («*интердиалект*») (*Verkehrsdialekt*), который в ходу у более молодого поколения сельского населения, независимо от рода деятельности, или у мигрантов: *обиходно-разговорный язык*, лишенный примарных диалектных признаков, посредник между диалектом и литературным стандартом, имеет в сельской местности полуофициальный, дистанцирующий характер, в то время как в городе его используют в качестве языка повседневного общения слои населения, занимающие более высокое социальное положение: продавцы, служащие общественных учреждений, врачи, школьные учителя, священники, а также деловые люди и коммерсанты при общении со своими клиентами; именно в городе в результате ситуативной и социальной вариативности и разной степени участия диалектных элементов развиваются многочисленные стилистические слои обиходно-разговорного языка, его отдельные (региональные) реализации корреспондируют с широкими диалектными зонами меньше, чем с регионами вокруг крупных городских культурных и экономических центров, прежде всего вокруг Вены и столиц федеральных земель, не приводя при этом, однако, к сильной регионализации; *литературный язык* (*Standardsprache*) является общеупотребительным языком официальной коммуникации, обязательным для учителей и учащихся во время школьных занятий, для священника во время проповеди, для верующих на исповеди и т. п. (см. Wiesinger, 1985, 1990 и др.).

В. Ментруп включает в систему форм существования немецкого языка Австрии также реликтовые диалекты, имея в виду прежде всего изолированные от главных путей сообщения в альпийских горных долинах, упорно сохраняющие архаичную форму диалекты Тироля (Mentrup, 1980: 529), что дает основание для представления следующей иерархии языковых слоев: реликтовый диалект (*Reliktmundart*) — базовый диалект

(Grundmundart, Basisdialekt) — городской диалект (Stadtdialekt, Stadtmundart) — обиходно-разговорный язык (Umgangssprache) — язык общения (Verkehrssprache) — литературный язык (Standardsprache).

Для современной языковой действительности в Австрии характерна сильная флюктуация между языковыми пластами, при которой существенное значение приобретают такие факторы, как социальный статус говорящего, речевая ситуация и региональные языковые особенности. Постоянная смена различных языковых систем (кодов) открывает перед австрийцами широкую палитру стилистических нюансов, находящую применение не только в кругах образованных людей, но и в литературе. Каждый австриец, говорящий в Австрии на немецком языке, располагает целым набором вариантов, языковых форм, которые образуют различные комбинации в зависимости от социального статуса собеседника, ситуации, темы разговора и т. д. Как подчеркивает Я.Эбнер, такое взаимодействие языковых слоев «разыгрывается» на фоне четкого разделения подсистем литературного языка и диалекта. Условием использования заложенных возможностей является именно владение разными подсистемами (Ebner, 1980: 214).

Выбор языковой разновидности зависит от комплекса факторов, среди которых У. Аммон выделяет расхождения между городом и деревней, принадлежность к старшему или младшему поколению, дифференциацию по полу. Вертикальная многослойность и варьирование в пределах диалектно-литературного континуума социально и ситуативно детерминированы: социальные группы более высокого общественного положения используют в зависимости от уровня официальности или формализованности ситуации «спектр» или «регистр» вариативности (Ammon, 1995: 372) от почти «чистого» литературного стандарта до приближенных к диалекту, но избегающих наиболее характерных диалектных элементов, промежуточных форм, в то время как слои населения, занимающие более низкое социальное положение, выбирают языковые нормы в диапазоне между «чистым» диалектом и вариативностью, приближенной к литературной.

Независимо от социальной принадлежности в официальных и формальных ситуациях предпочтителен литературный язык. Однако социальные расхождения в употреблении диалектных и литературных форм языка не ограничиваются только ситуационной вариативностью, что отчетливо проявляется в стремлении более высоких социальных слоев избегать употребления диалектных форм и в частных, неформальных ситуациях. Напротив, более низкие социальные слои избегают слишком сильного приближения к литературному языку даже в официальных ситуациях.

Социальная обусловленность способствует приобретению диалектом определенных коннотаций с литературным языком и определенной символической значимости, которая, в свою очередь, оказывает обратное влияние на использование данных форм существования языка (Там же: 199).

Особенности диалектной ситуации в Австрии проявляются, в первую очередь, в большей расчлененности австрийско-баварских диалек-

тов на разные слои, имеющие различную социолингвистическую значимость. Даже без учета архаичных реликтовых диалектов альпийских долин выделяются три диалектных слоя:

- а) базисный диалект (местный диалект — Landdialekt),
- б) диалект общения (интердиалект — Verkehrsdialekt),
- в) городской диалект (Stadtdialekt) (ср.: Wiesinger, 1983: 69 и след.).

По оценкам исследователей, австрийско-баварские диалекты заметно более консервативны, чем баварские, и обнаруживают значительно более широкий спектр, т. е. их диасистема более сложная, чем диасистема среди небаварских диалектов Германии. Большую консервативность проявляют австрийские диалекты прежде всего в лексике, в то время как в баварских диалектах сохранились более древние фонетические формы (Scheuringer, 1990: 411, 426).

Второй отличительной особенностью диалектной ситуации в Австрии является относительно четко выраженная корреляция между социальными слоями и использованием диалекта. П. Визингер оценивает диалект сегодня как социально маркированный языковой слой с ограниченной употребительностью в общественных сферах (Wiesinger, 1983: 69 и след.).

В то же время для Австрии, как и для Германии, характерно отступление от так называемых чистых, несмешанных диалектов, которых в настоящее время фактически не существует, да и раньше не существовало (см.: Tagungsbericht: 66).

Наличие разнообразных и многочисленных промежуточных форм создает впечатление постепенного непрерывного перехода от диалекта к литературному языку и затрудняет в значительной мере вычленение и ограничение такой языковой разновидности, как обиходно-разговорный язык.

Процесс расширения сферы действия обиходно-разговорного языка за счет диалектов не достигает в Австрии собственно немецких масштабов и встречает на своем пути определенное противодействие. Хотя и здесь сельские диалекты постепенно сдают свои позиции, уступая место региональным обиходно-разговорным разновидностям языка, характер последних еще полностью определяется связью с диалектным субстратом.

Для обиходно-разговорного языка в пределах Австрии в значительной мере характерна региональная вариативность на всех уровнях его внутренней стратификации. Как подчеркивают И. Райффенштайн и П. Визингер, в Австрии существует не единый обиходно-разговорный язык, а целый ряд регионально-разговорных форм (вариантов).

Под влиянием существующих как культурные центры столиц федеральных земель возникают отдельные региональные обиходно-разговорные формы языка. Однако Вена и ее обиходно-разговорный язык представляют объект для подражания для Восточной и Нижней Австрии, Бургенланда и через посредничество Линца и Граца воздействуют на Верхнюю Австрию и Центральную Штирию, а также на Зальцбург ввиду отсутствия другого достойного подражания центра. При конкуренции западных и восточных обозначений выигрывает восточный вариант (Wiesinger, 1990:

230). Для восточных регионов — до границы Зальцбурга и Штирии — характерно, по наблюдению И. Райффенштайна, прогрессирующее формирование австрийского койне, влияние которого достигает и Форарльберга (Tagungsbericht: 61).

Региональное членение основывается на диалектном членении, согласно которому баварско-австрийский диалектный регион подразделяется на среднебаварский на севере и южнобаварский на юге страны, причем баварский диалектный регион простирается дальше в западном направлении — на территорию Баварии в Германии, а в южном направлении — на Южный Тироль в Италии. И. Райффенштайн говорит в этой связи о наличии «частичных региональных соответствий» («regionale Teilübereinstimmungen») с южнонемецким регионом, в особенности с баварским, которые являются следствием распространенных в пределах крупных областей диалектных различий немецкого языка (Tagungsbericht: 60).

На верхнем уровне обиходно-разговорного языка, сближающегося с литературным (в основе его регионального членения лежит принадлежность к одному из диалектных ареалов, обуславливающая сохранение остаточной региональной окрашенности, близкой к литературному языку), можно выделить следующие регионы:

а) северовостоавстрийский, юговостоавстрийский, западноавстрийский,

б) среднеавстрийский, южноавстрийский, алеманнский.

Областные обиходно-разговорные языки, находящиеся под воздействием соответствующих диалектных регионов, распространяются в Австрии на регионы: штирийский, тирольский, бургенландский, каринтский, нижнеавстрийский, верхнеавстрийский, форарльбергский и др.

Обиходно-разговорные языки, сближающиеся с диалектами, или так называемые полудиалекты, по своему радиусу действия делятся на городские, региональные и узорегиональные (Миронов, 1981: 84).

В пределах отдельных земель и провинций особая роль в формировании и распространении обиходно-разговорных форм принадлежит крупным городам как центрам иррадиации языковых явлений повседневной городской речи, что позволяет на уровне, приближенном к диалекту, в данном случае к городским диалектам, выявить так называемые городские обиходно-разговорные языки.

Таким образом, внутри областных обиходно-разговорных языков, являющихся, в свою очередь, составными частями регионально окрашенного литературного обиходно-разговорного языка, вычленяются региональные модификации на основе сфер влияния городских центров. Однако роль городских центров не ограничивается данной функцией. Не меньшее, а даже большее их значение состоит в посредничестве между обиходно-разговорным и литературным языком, особенно в отношении распространения словарного состава. В качестве таких городов-мультипликаторов ведущие позиции в Австрии занимают Вена, Зальцбург, Инсбрук, являющиеся носи-

телями общественно-экономических и, следовательно, языковых инноваций. Интересно, что Вена является поставщиком нового словарного состава не только в австрийский вариант немецкого литературного языка, но и в собственно немецкий (Nail, 1989: 375–384).

При сравнении состояния обиходно-разговорных форм языка в городах и в сельской местности в Австрии прослеживаются большие расхождения, чем в Германии, при этом особая роль в углублении этих расхождений принадлежит крупным городам как центрам языковой иррадиации, в первую очередь Вене. П. Визингер отмечает, что в историческом плане обиходно-разговорный язык является продуктом выравнивания междугородским диалектом и письменным языком на основе утраты первичных диалектных признаков у городских средних и высших слоев населения, а отдельные проявления обиходно-разговорного языка в Австрии соотносятся в значительно большей степени с районами вокруг крупных городов — столиц федеральных земель и Вены — как культурных и экономических центров, чем с большими диалектными зонами (Wiesinger, 1985: 1941, 1942).

Типичная для Южной Германии, в особенности для Баварии и Баден-Вюртемберга, лингвопрагматическая детерминированность обиходно-разговорного языка наблюдается в полной мере и в Австрии, где выбор данной языковой формы также зависит от собеседника и ситуации. Однако неформальное употребление языка в Австрии распространено больше, чем в Германии, что способствует укреплению позиций обиходно-разговорного языка.

Регионально окрашенный обиходно-разговорный язык является в Австрии самой активно используемой языковой формой, причем он отличается большей гомогенностью, чем, например, обиходно-разговорная форма в Мюнхене или в других городских центрах ФРГ, и, следовательно, большей доминантностью, что даже создает впечатление доминирования диалекта.

Основными причинами языковой гомогенности можно считать сохранение относительной однородности населения Австрии после 1945 года, а также сильное языковое влияние столицы страны, в которой проживает четверть ее населения. Как подчеркивается всеми исследователями, Вена является главным центром иррадиации, а венский городской диалект оценивается как «исходная точка модернизации» и выравнивания диалектов (Mentrup, 1980: 529).

Вена и венский диалект занимают особое положение в языковой ситуации Австрии. Венскому диалекту приписывается статус национально-полудиалекта, т. е. интердиалекта в форме полудиалекта, и в то же время он оценивается как один из главных элементов австрийского обиходно-разговорного языка, который оказывает влияние на характер более высоких языковых слоев.

Особое своеобразие придает немецкому языку Вены так называемый славянский элемент, являющийся результатом разнообразных влияний славянских языков на протяжении всей истории столицы Австрии, каж-

дая четвертая семья в которой имеет славянское происхождение. Особенно много славянизмов проникло в венскую городскую речь из чешского языка во времена Австро-Венгрии, а затем через посредничество Вены распространилось по всей Австрии.

Отношение австрийцев к венской разновидности немецкого языка колеблется от полного неприятия ее диалектной реализации, которая ассоциируется с низким социальным статусом, до ее положительной оценки в форме обиходно-разговорного языка, что проявляется в приписывании венскому обиходно-разговорному языку надрегиональности на всей территории Австрии. Такая ориентация на Вену и претензии на надрегиональное употребление венских языковых форм приводят во многих областях к отказу от региональных черт, что особенно четко проявляется в Граце (ср. Moosmüller, 1990: 109).

Негативной оценке венских языковых особенностей нижних уровней социально-функциональной парадигмы противостоит положительное отношение к тому венскому языковому типу, который используется людьми, занимающими высокое социальное положение, и которому приписывается статус надрегиональности. Несмотря на генеральное стремление к сохранению региональных черт, общеавстрийская ориентированность на Вену ведет в некоторых местностях к частичной утрате регионального своеобразия, что особенно характерно для Граца (там же: 110). В этом проявляется противопоставленность тенденций к регионализации и к интеграции.

Венское влияние проявляется на всех ярусах обиходно-разговорного немецкого языка Австрии — от нижнего уровня полудиалекта до сближающегося с литературным стандартом обиходно-разговорного языка образованных людей, — концентрируя на периферии литературного языка региональные и диалектные элементы и выступая в качестве одного из главных источников многочисленных инноваций.

В целом развитие и сохранение национальной языковой манифестации в Австрии осуществляется в ситуации напряженности между регионально дифференцированными формами языка, используемыми большинством населения в повседневной жизни, и стремлением к языковому единству внутри нации, достижение которого едва ли возможно без доминирования одних регионов над другими и без существования несоответствий повседневных языковых форм. С одной стороны, проявляется тенденция к интеграции (отказу от определенных региональных языковых особенностей в пользу общепотребительных форм), с другой стороны, намечается явная тенденция к регионализации, обусловленная возрастом языкового самосознания (ср.: Reiffenstein, 1983: 24). Поскольку существование собственной разновидности немецкого языка является для Австрии одним из определяющих факторов национальной идентичности и выходит на уровень национальной проблемы, стабилизация национального языкового варианта требует, по мнению У. Аммона, в особых австрийских условиях установления баланса между этими противодействующими силами (Аммон, 1995: 213).

Взаимодействию разных языковых разновидностей и существованию так называемой скользящей шкалы (Burger, 1984: 240) — последовательного перехода от одного языкового слоя к другому — благоприятствует относительная (в сравнении, например, с ситуацией на юге Германии, где велик процент участия некоренного населения в формировании характера обиходно-разговорных и литературных форм) диалектная — баварско-австрийская — гомогенность населения Австрии, которая, однако, не исключает значительной региональной дифференциации во всех языковых пластах (Wiesinger, 1985: 1940–1942; Wiesinger, 1998: 19 и след.). Наиболее ярко выражены региональные расхождения, проявляющиеся на всех уровнях социально-функциональной парадигмы австрийского варианта немецкого языка, во-первых, между австрийско-баварским востоком и западом (Тироль), во-вторых, между австрийско-баварскими диалектами и алеманнским Форарльбергом, и, в-третьих, между севером и югом, что дает основание для выделения в целом трех крупных языковых областей: восточноавстрийской, юго-восточноавстрийской и западноавстрийской.

Отсутствие единого «австрийского немецкого языка» обусловлено прежде всего исторически, а также географически, поскольку Австрия возникла постепенно благодаря присоединению в разные исторические периоды отдельных земель. В языковом отношении западные земли, Тироль и Форарльберг, особенно часто идут своим путем. Единым для всей Австрии является только административный язык и язык прессы и публицистики, в других сферах австрийский вариант немецкого языка представляет собой совокупность языковых особенностей, «разбросанных» по разным местностям страны.

Несмотря на баварскую основу австрийских диалектов, между баварским диалектом на территории Германии и австрийским немецким языком, в том числе на диалектном уровне, отмечаются существенные расхождения, обусловленные, с одной стороны, влиянием Мюнхена в Баварии, а с другой — доминирующим воздействием Вены в Австрии, начиная с XVII–XVIII веков (Wiesinger, 1990: 218).

Регион баварско-австрийского языкового союза объединяется на современном этапе языкового развития главным образом общим региональным обиходно-разговорным языком, который обладает чертами сходства и в Мюнхене, и в Вене, и в Инсбруке, и в Граце, отличающими его от собственных диалектов. Языковые расхождения между баварско-австрийским и алеманнским регионами настолько глубоки, что находят отражение и в региональных особенностях австрийского варианта литературного стандарта.

Кроме того, и в пределах баварско-австрийского региона наблюдаются различия на уровне литературного языка. Такое положение позволяет Я. Эбнеру выделить следующие языковые регионы, проявляющие особенности в разговорных формах речи: Восточная Австрия (Вена, Нижняя Австрия, Бургенланд), Юго-Восточная Австрия (Штирия, Каринтия), Западная Австрия (Тироль, Форарльберг). Центральная область (Верхняя Австрия, Заль-

цбург) не составляет единого пространства и испытывает баварское, восточноавстрийское и западноавстрийское влияния (Ebner, 1980: 216).

По наблюдениям исследователей, между баварским и алеманнским регионами Австрии особенно велики не только лингвогеографические, но и социолингвистические и лингвопрагматические различия. Если в восточноавстрийском регионе языковая ситуация во многом сходна с положением на юге Германии, прежде всего в Баварии, которая относится к области диалектно-литературного континуума, т. е. постепенного перехода, с несколькими промежуточными формами, от диалекта к литературному языку, то в алеманнском Форарльберге отсутствует непрерывный переход от диалектной к литературной разновидности языка и наблюдается явление диглоссии, что сближает ситуацию в нем с языковой ситуацией в Швейцарии.

В алеманнской области на территории Австрии диалект выполняет функцию языка общения (Verkehrssprache), однако и здесь, прежде всего под влиянием таких внеязыковых процессов, как миграция и увеличение притока туристов из Германии, прослеживается тенденция к образованию обиходно-разговорного языка, необходимого, в первую очередь, как форма доверительного общения с приезжими из других алеманнских регионов по другую сторону границы. Такая языковая форма получила в городах Форарльберга различные обозначения: в Брегенце — «Pfanderdütsch», в Дорнбирне — «Bodeledütsch», в Фелькирхе — «Ganahldütsch». Данная разновидность обиходно-разговорного языка находит в последнее время применение также в крупных магазинах, в учреждениях и в общении с уважаемыми людьми. В целом проявляется общее для всей Австрии отношение к диалекту как к социально и ситуационно маркированной языковой форме (ср.: Wiesinger, 1980: 112–113).

Региональная вариативность и расхождения, прежде всего между востоком и западом (неприятие на западе венских образцов), усиливаются в направлении от литературного языка к обиходно-разговорным формам.

Дополнительным дифференцирующим фактором последнего времени является большой приток туристов в Западную Австрию — наряду с существовавшей там и прежде возможностью приема телевизионных передач из Германии, — что приводит к разнонаправленному языковому развитию на западе и востоке страны (ср.: Ebner, 1980: 216).

Некоторые региональные языковые особенности в значительной мере сближают западные земли Австрии с немецкоязычной Швейцарией и юго-западными областями Германии, противопоставляя этот регион находящимся под влиянием Вены восточным землям. Доминирующее положение восточноавстрийских, находящихся под иррадиирующим воздействием Вены, языковых форм поддерживается многочисленными описаниями венских особенностей, а также их кодификацией в словарях австрийского варианта немецкого языка (см., например: Österreichisches Wörterbuch), в то время как западноавстрийские (алеманнские и тирольские) специфические черты не нашли в них никакого отражения.

Несмотря на некоторые проявления склонности к языковому сепаратизму, о чем говорилось выше, Австрия продолжает тесно сотрудничать в языковом отношении с другими немецкоязычными странами. В частности, вместе со всеми странами распространения немецкого языка Австрия принимала деятельное участие в разработке и принятии новой немецкой орфографии (Домашнев, 1999: 123–130). Окончательное решение, которое «подвело черту под усилиями специалистов реформировать немецкую орфографию», которые предпринимались начиная 1954 г., было принято 1 июля 1996 года в Вене. И хотя «наиболее активное противостояние предстоящему переходу на новую орфографическую систему» выявилось также именно в Австрии, это знаменательное событие свидетельствует о стремлении всех немецкоязычных стран сохранению языкового единства.

ЛИТЕРАТУРА

- Домашнев А.И. Очерк современного немецкого языка в Австрии. М.: Высшая школа, 1967.
- Домашнев А.И. Новая немецкая орфография // Вопросы языкознания. 1999 № 1. С. 123–130.
- Домашнев А.И. Люксембург: немецкий язык и языковая ситуация в стране. Лингвистические исследования 1999 г.: Сб. науч. тр. СПб: Изд. ИЛИ РАН, 1999. С. 3–11.
- Малыгин В.Т. Австрийская фразеология в социокультурном аспекте. СПб: Образование, 1999.
- Миронов С.А. Полудиалект и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи // Типы наддиалектных форм языка / Отв. ре М.М. Гухман. М.: Наука, 1981. С. 79–97.
- Нейцменко Г.П. Язык и культура в истории этноса // Язык-культура-этнос. М.: Наука, 1994. С. 78–98.
- Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. D. Problem der nationalen Varietäten. — Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1995.
- Brunner O. Das Problem einer europäischen Sozialgeschichte // Neue Wege d. Verfassung Sozialgeschichte — Göttingen, 1968.
- Burger H. Sprache der Massenmedien. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1984.
- Conze W. Sozialgeschichte // Moderne deutsche Sozialgeschichte // H.U. Wehler. — Köln, 1973.
- Domaschnew A. Zur Sprachsituation in Wien und im Wiener Becken (1. Jahrhundert) // Historische Soziolinguistik des Deutschen. IV. Soziefunktionale Gruppe — kommunikative Anforderungen — Sprachgebrauch: Internationale Fachtagung. Rostock 13. — 16.09 — 1988/ hrsg. von Gisela Brandt. — Stuttgart: Har Dieter Heinz Akademischer Verlag, 1999. — S. 339–348.
- Ebner J. Deutsch in Österreich // Duden «Wie sagt man in Österreich»: Wörterbuch der österreichischen Besonderheiten / J.Ebner. — 2. vollst. überarb. Aufl. — Mannheim; Wien; Zürich: Bibliografisches Institut, 1980. — S. 207–222.

Kranzmayer E. Lautwandlungen und Lautverschiebungen im gegenwärtigen Wienerischen // Zeitschrift für Mundartforschung. — Wiesbaden, 1953. — Bd. 21. — S. 197–239.

Kranzmayer E. Hochsprache und Mundarten in den österreichischen Landschaften // Wirkendes Wort. Sprachwissenschaft. — Sammelband 1. — Düsseldorf. Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. — S. 115–122.

Mentrup W. Deutsche Sprache in Österreich // Lexikon der Germanistischen Linguistik / H.P. Althaus, H. Henne, H.E. Wiegand (eds) — 2., neubearb. Aufl. — Tübingen: Niemeyer, 1980. — Studienausgabe III. — S. 527–531.

Moosmüller S. Einschätzung von Sprachvarietäten in Österreich // International Journal of the Sociology of Language. — 1990. — Bd. 83. — S. 105–120.

Nail N. Aachener Printen bis Zürcher Putsch. Städtisches im neueren deutschen Wortschatz // Dialektgeographie und Dialektologie: Günter Bellmann zum 60. Geburtstag von seinen Schülern und Freunden / W.Putschke (ed.), W. Veith (ed.), P.Wiesinger (ed.). — Marburg: Elwert, 1989. — S. 374–386.

Nationale Varianten der deutschen Hochsprache: Podiumsgespräch // Tagungsbericht der VIII. Internationalen Deutschlehrertagung, Bern, 4.–8. August 1986. — Bern, 1987. — S. 55–72.

Österreichisches Wörterbuch / Hrsg. im Auftrag des Bundesministeriums für Unterricht; Kunst und Sport. — 37. überarb. Aufl. — Wien: Österreichischer Bundesverlag / Jugend und Volk, 1990.

Pollak W. Was halten die Österreicher von ihrem Deutsch? Eine sprachpolitische und soziosemiotische Analyse der sprachlichen Identität der Österreicher. — Wien: ÖGS / ISSS, 1992.

Reiffenstein I. Deutsch in Österreich // Tendenzen, Formen und Strukturen der deutschen Standardsprache nach 1945 / I. Reiffenstein et. al. (eds.). — Marburg: Elwert, 1983. — S. 15–27.

Scheuringer H. Sprachentwicklung in Bayern und Österreich. — Hamburg: Buske, 1990.

Steinhauser W. Slawisches im Wienerischen. — Wien: Verlag Notring der wissenschaftlichen Verbände Österreichs, 1962. — 190 S.

Wiesinger P. Sprachschichten und Sprachgebrauch in Österreich // Zeitschrift für Germanistik. — 1983. — H. 2. — S. 184–195.

Wiesinger P. Die Entwicklung des Verhältnisses von Mundart und Standardsprache in Österreich // Sprachgeschichte / W. Besch, O. Reichmann, S. Sonderegger (eds.). — Berlin; New York: de Gruyter, 1985. — HBd. 2. — S. 1939–1949.

Wiesinger P. Das Schweizerdeutsche aus österreichischer Sicht // Das Deutsch der Schweizer. Zur Sprach- und Literatursituation in der Schweiz / H. Löffler (ed.). — Aarau; Frankfurt a. M.; Salzburg: Sauerländer, 1986. — S. 101–115.

Wiesinger P. Die deutsche Sprache in Österreich. Eine Einführung // Das österreichische Deutsch / P. Wiesinger (ed.). — Wien; Köln; Graz; Böhlau, 1988. — S. 9–30.

Wiesinger P. Standardsprache und Mundarten in Österreich // Deutsche Gegenwartssprache. Tendenzen und Perspektiven / Hrsg. von G.Stickel. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1990. — S. 218–232.

А. Червонец

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Британский совет опубликовал последние данные об употреблении ведущих языков — английского, французского, испанского, русского и других, которые широко комментировались на Франкфуртской книжной ярмарке.

В частности, в документе Британского совета приводятся весьма интересные факты. Так, в настоящее время бесспорным лидером стал английский, на котором в качестве родного, второго или иностранного языка в третьем тысячелетии предположительно будет говорить 1 миллиард человек. Он получает все большее распространение в странах Магриба (в Алжире, например, решением правительства английский язык изучается в школах в качестве второго вместо французского), франкоязычных странах «черной» Африки и Юго-Восточной Азии. Английский теснит в Африке также и португальский язык. В странах Центральной и Восточной Европы английский язык постепенно вытесняет немецкий из делового мира.

По подсчетам Британского совета, в настоящее время английский язык является официальным единственным или официальным наряду с другими более чем в 75 странах. Более двух третей ученых всех стран владеют английским языком, три четверти мировой почтовой корреспонденции пишется на нем. Знаменательно также то, что 80% компьютерной информации хранится в английском варианте.

Особо отчетливо финансовый аспект продвижения английского языка в мире проявился на Франкфуртской книжной ярмарке. Сейчас годовой оборот мировой книготорговли составляет порядка 50 миллиардов фунтов стерлингов в год, и большая часть печатной продукции издается на английском языке. В частности, в 1995 году в Британии издано на 90 тысяч наименований больше, чем, например, в Китае, значительно превосходящем ее по населению.

В исследовании Британского совета отмечается, что по вполне понятным причинам перспективы роста книжного рынка для французского или итальянского языка весьма ограничены. Иными словами, авторам публикаций на этих языках все труднее пробиться на «оккупированный» англоязычными писателями рынок.

Если говорить об экономической выгоде для англоязычных издателей применительно к Германии, в 1995 г. только 9% прав на издания на

немецком языке было закуплено англоязычными странами, в то время как германские книгоиздатели закупили из данной группы стран 74% прав на зарубежные издания.

Приведенные в докладе Британского совета факты свидетельствуют о степени воздействия языка на торгово-экономические, а также и политические отношения отдельной страны с внешним миром. Сами британцы не скрывают, что затраты на поддержание и расширение разветвленной сети курсов английского языка по линии Британского совета полностью окупаются, а экономический и политический эффект такой политики весьма ощутим.

В. Э. Шагалъ

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В АРАБСКИХ СТРАНАХ

В настоящее время в Лигу арабских стран входит двадцать одно государство и образует так называемый арабский мир. Эти государства раскинулись на обширной территории от берегов Атлантики до Персидского залива и от границ с Эфиопией, почти у экватора, до полуострова Малая Азия, который с севера омывается Черным морем. Подавляющее большинство населения — арабы, но миллионы граждан вовсе не относят себя к арабам. Это жители Сомали и Джибути, берберы Алжира и Марокко, негры Судана и Мавритании. Само понятие «арабский мир» довольно условно. Среди жителей этих стран немало тех, кто прежде всего считает себя арабами, а уже потом говорят, что они иракцы или тунисцы, сирийцы или саудиты. Другие осознают себя в первую очередь египтянами или марокканцами и почти не относят себя к арабам.

В арабистике весь арабский мир принято делить на два больших региона: Арабский Восток (Египет, Судан и все арабские страны), или Машрик, и Арабский Запад (Алжир, Тунис, Марокко, Мавритания, Ливия), или Магриб. Противопоставление этих регионов порождено не только экономическими, культурными, социальными условиями, но и различием в языковых ситуациях.

Свыше 85% населения арабского региона владеет арабским языком. Именно язык, по мнению арабов, наряду с культурой является определяющим этническим признаком. Народы в арабских странах говорят также и по-курдски (в Сирии и Ираке), на берберских языках (в Алжире и Марокко), по-французски (в странах Магриба), используют различные африканские языки (в Судане).

Разговорные языки разных арабских стран различаются порой настолько сильно, что жители Алжира и Ирака или Египта и Марокко с трудом понимают друг друга. Большинство арабов, как известно, мусульмане, однако сотни тысяч арабов (прежде всего в Ливане и Сирии) — христиане. Различаются арабы и в других планах; так, образованные арабы из Ливана и Туниса, Сирии и Египта явно несправедливы в своем отношении к арабам, проживающим на огромных просторах Аравийского полуострова, считая их всех дикими кочевниками.

Ныне в арабском мире — этом оплоте исламской культуры — во всех областях жизни избираются пути дальнейшего развития. Пока еще в этом

регионе недостаточно активна реакция на вызов, предъявляемый новой технологической революцией. Это, пожалуй, главное, что определяет культурно-языковую ситуацию. Все более осознается необходимость ликвидировать культурно-экономическую отсталость, препятствующую стабильному прогрессивному развитию. В арабских странах предпринимаются серьезные попытки найти реальные основания для объединения внешнеполитических усилий в различных сферах международной политики. Но есть немало внутренних, весьма серьезных проблем практического характера, с которыми регулярно сталкивается современный арабский мир. Это и демографическая проблема, связанная с непрекращающимся ростом населения, что может привести к тому, что 200-миллионное население арабских стран в ближайшие 25 лет удвоится, и проблема высокого уровня неграмотности, и проблемы экономики, и проблема языка.

Языковая идентификация, обучение арабскому литературному языку и другие языковые проблемы рассматриваются в арабских странах как социальные проблемы первостепенной важности. Арабский язык наиболее социально значим. Он используется в производственной и общественной жизни, на телевидении, радио, в печати, частично в образовании и науке. Отмечается тенденция к расширению сферы функционирования арабского языка, что ведет к его совершенствованию: пополнению новой лексикой и терминологией, развитию функциональных стилей. Арабский язык функционирует в виде иерархически организованной совокупности четырех основных форм существования: 1) классический литературный язык; 2) современный (письменный и устный) литературный язык; 3) территориальные и социальные диалекты и 4) обиходно-разговорный язык (образованных и необразованных), — которые обслуживают сферы межгосударственного, межэтнического, общегосударственного, регионального и местного общения.

Языковая ситуация во всем арабском ареале представляет собой совокупность отдельных языковых ситуаций по странам, что обусловлено различиями в использовании арабского литературного языка и других функциональных форм, а также иностранного и местного языков. Это не противоречит факту типологического сходства этих языковых ситуаций, которое возникло в результате некоторой общности тенденций в этническом, историческом и культурном развитии разных арабских стран.

Учитывая официальный статус арабского языка и особенности его функционирования в сопоставлении с другими языками, используемыми в стране, среди арабских стран можно выделить:

а) страны, для языковой жизни которых характерны функционирование арабского языка на всех уровнях и во всех сферах и ограниченное использование иностранного языка в качестве языка обучения в высшей школе (преимущественно на естественнонаучных факультетах) и языка науки. Такая ситуация наблюдается в странах Арабского Востока (Сирия, Иордания, Ирак, Кувейт, Ливан, Саудовская Аравия, Йемен и др.), а также в Египте и Ливии. В эту группу входят страны с разнообразной этнической структурой: моноэтнические, страны с арабским доминирующим

этносом и несколькими мелкими или одним значительным неарабским этносом (Ирак — курды);

б) страны, в которых основной чертой, определяющей их языковую ситуацию, является существование, так сказать, паритетного двуязычия: употребление (наряду с арабским, провозглашенным в качестве государственного) иностранного языка в сфере образования, в хозяйственной и административной жизни. В эту группу входят, прежде всего, страны, население которых представлено, помимо арабов, довольно значительными неарабскими этносами: Алжир и Марокко (берберы), — а также моноэтнические Тунис и Ливан;

в) страны и регионы, в которых коммуникативные нужды общества обеспечиваются преимущественно различными местными языками и иностранным языком, составляющим серьезную конкуренцию арабскому языку, имеющему статус государственного (Мавритания, южные провинции Судана).

В последние годы было опубликовано — и прежде всего в самих арабских странах — немало исследований политического, культурологического, социального, философского плана, различных по своим программным и целевым установкам, по методологическим принципам, которые в той или иной связи отмечали необходимость общего средства коммуникации как для всего региона, так и для различных стран Арабского Востока и Северной Африки. Судя по имеющимся публикациям, в них полно общих рассуждений о языке и культуре, воспевания традиционных черт нации, смакования ее древности и исключительности, многократных упоминаний о тесной связи региона, языка и нации. Однако в них нет тесной привязки процессов использования языка в сфере общественной жизни к экономическому и политическому положению, к культурному фактору.

В октябре 1989 года в г. Рабате состоялась седьмая сессия Конгресса министров культуры арабских стран. «Арабский язык — наша национальная сущность» — так была озаглавлена принятая на заключительном заседании Конгресса декларация, в которой подводились итоги работы сессии, посвященной проблеме «Роль и место арабского языка в арабо-мусульманской культуре и других мировых культурах».

Сам факт проведения подобной встречи свидетельствует о стремлении арабского общества усилить влияние сознательного фактора на функционирование арабского языка.

Принятие Рабатской декларации (Arab Journal of Culture, 1990, № 18: 11–13), которая подчеркнула, что арабский язык представляет собой «священный фронт, где арабы ведут сражение за арабское единство и за само существование арабской нации», явилось важным событием на данном этапе развития национально-языковой жизни. Сравнение арабского языка со священным фронтом — не просто красивая метафора. Известно, что борьба арабских стран за политическую независимость увенчалась успехом. В середине XX века на карте мира появилось почти два десятка новых государственных образований. Но осталась экономическая и куль-

турная зависимость. Арабское национальное движение принимает иной характер, фронтом борьбы становятся сферы языка, культуры и экономики. Лозунги «арабизации» в этих сферах выдвигались уже в первые годы независимого существования. Если бы усилия национального движения принесли в этой борьбе заметные положительные результаты, то вряд ли оно выдвигало бы вопрос о языке в начале 1990-х годов столь радикально и однозначно. Тем более очевидно, что задачи, поставленные в сферах культуры и языка, нельзя решить одними декларациями и призывами. Рабатская декларация призывает всемерно усилить внимание к арабскому языку, чтобы «он занял подобающее место в поступательном движении арабского общества, ... а арабская культура смогла снова взять на себя ту роль, которую она играла в развитии мировой цивилизации, выступая в качестве первопроходца в своем служении всему человечеству». На сессии Конгресса современные проблемы культуры и языка рассматривались в тесной взаимосвязи с политическими проблемами. «Развитие арабского языка, — говорится в декларации, — не просто одно из условий сохранения цельности арабской культуры и прогресса науки, ... это — путь к осуществлению всеобъемлющего арабского единства» (там же: 13).

Общей проблемой для всех арабских стран является распространение арабского литературного языка. Эту проблему авторы декларации называют «судьбоносной, требующей неотложного решения во имя будущего». Важным, на наш взгляд, можно считать тот факт, что авторы декларации, видимо, осознали, что давно пора отказаться от декларативных заявлений и сократить разрыв между принятием решения и его выполнением. За годы независимого существования в арабских странах сформировался довольно значительный слой национальной интеллигенции, которую глубоко волнуют судьба религии и освещение исторического прошлого, вопросы сохранения арабского культурного наследия и возрождения национальной культуры, ее развития, наряду с расширением сфер функционирования национального языка, его обновлением и укреплением его статуса. Осознаёт арабская интеллигенция и угрозу единству арабской этнической общности, имеющей древнейшее происхождение. Причина утраты арабской общности связывается с широким функционированием разговорных языков, имеющих свои особенности в каждой стране. Обоснованность подобных опасений подтверждается историческими факторами.

Идея существования отдельно сирийцев, египтян и т. д. подрывает идею существования арабов в качестве единой этнической общности. Идеологи регионализма и панарабизма уверяют, что в ходе распада арабской этнической общности, в разрыве единства арабского мира рождаются новые миры — сирийский, иракский, египетский и т. д. Эти идеи находят свое воплощение и во внешней политике отдельных арабских стран, когда на первый план в качестве аргументов, оправдывающих ту или иную политическую акцию, выдвигается не факт существования единой арабской нации, а факт существования египетской (иракской и других) на-

ций. Вспомним хотя бы агрессию Ирака против Кувейта. Среди причин обостренного внимания к языковым вопросам можно увидеть не только глубокую осознанность связи мусульманской религии и арабского языка, но и недостаточный уровень функционального развития арабского языка, т. е. недостаточную готовность самого арабского языка в его нынешнем состоянии к выполнению всех общественных функций, которые должен брать на себя национальный язык в новых социально-экономических условиях конца XX века. Характерной чертой языковой жизни арабских стран в настоящее время является «обращение к иностранным языкам для передачи последних достижений науки и знаний, организация обучения современным областям науки и техники в подавляющем большинстве арабских университетов на основе использования иностранных (английский, французский) языков» (там же: 13). Невольно приходится констатировать, что иностранный язык по-прежнему, как и в колониальный период, широко используется там, где вполне может и должен употребляться национальный язык. Это воспринимается как угроза самому существованию арабского языка и национальной культуры, как преднамеренное стремление изолировать духовный и материальный мир арабов от мирового научного прогресса, да и от самой науки как таковой. Арабская общественность отдает себе отчет в том, что «осуществление прогресса в самых различных областях знаний возможно только при условии максимального расширения функций национального языка».

В языковой политике арабских стран выделяются два направления: внутреннее, ориентированное на сами арабские страны, и внешнее — на все остальные регионы мира, где так или иначе функционирует арабский язык. Анализ языковой политики арабских стран предусматривает прежде всего определение основной концепции этой политики и тех факторов, которые оказывают воздействие на ее проведение. Противопоставление Машрика и Магриба сохраняется и в плане характера языковой политики, проводимой в странах, которые образуют эти два региона.

В арабских странах традиционно силен пристальный интерес к культурно-языковым проблемам. Обостренное внимание к этой проблематике в 70–90-х гг. XX века, необходимость в первую очередь ее научного осмысления стимулируются как теми значительными социальными переменами, которые совершаются в начале XXI века внутри общества, ощущающего потребность в национальной самоидентификации, как политикой правящих кругов, испытывающих воздействие перипетий политической и идейной борьбы различных общественных групп и использующих национальный фактор как средство в этой борьбе, так и сложностью преодоления объективных трудностей на пути возрождения национальной культуры и национального языка. Арабизацию в культурно-языковой сфере — лингвистическую — можно определить как культурно-языковой вариант концепции национализма, который проявляет себя и как политическая тенденция с четко обозначенной антизападной направленностью. Она выражается в конкретных действиях общества,

направленных на распространение арабо-мусульманской культуры и на включение арабского литературного языка во все сферы общения, в том числе и в устной форме, на изменение в пользу последнего соотношения литературный язык — диалект (народно-разговорный), ограничение функционирования языков прежних метрополий и их вытеснение в дальнейшем, повышение роли школы со всеобщим обязательным начальным (в ряде стран — средним) образованием, которая становится главным инструментом языкового развития и формирования языковой компетенции, действенности телевидения, радиовещания и других средств массовой коммуникации в распространении литературного языка. Через систему образования арабский язык, наряду с религией, призван выступить в качестве средства духовного развития личности.

Вопросы функционирования арабского языка приобрели большое общественное значение и в связи с возрастанием его роли как одного из мировых языков и как языка мусульманской культуры и религии. Характерной особенностью арабизации является подчеркивание особого значения арабского литературного языка как одного из главных элементов формирования нации, важнейшей черты национальной специфики, ведущего фактора арабизма — основы упрочения единства арабских стран. Вместе с тем языковая политика в арабских странах не сводится только к арабизации. Абстрагируясь от частной языковой специфики, можно сказать, что политика арабских стран в сфере языка призвана решить следующие общие проблемы: роль и влияние сознательного фактора на языковое функционирование, выбор национального языка, определение приоритета одного языка над другими, одной формы существования среди ряда языковых образований, особенности функционального развития языков, обеспечивающих коммуникацию в регионе, возможности одного из древних и широко распространенных языков мира на рубеже XX–XXI веков передавать информацию и знания о новой технологической революции и достижениях современной науки, выступать в качестве языка обучения на всех этапах образования, а также средства управления и администрации, способствовать ликвидации культурно-экономической отсталости, возрождению национальной культуры.

Обращение к арабизации — этой основной концепции языковой политики — на современном этапе развития арабских стран свидетельствует о стойкой, глубокой приверженности арабов к исламу и к арабскому литературному языку как средству самоидентификации, многовековой культурной преемственности и национальной самобытности. С лингвистической точки зрения, арабизация предполагает, с одной стороны, укрепление связи современного литературного языка с классическим, с периодом его полнокровного функционирования, с другой — приспособление современного литературного языка к новым требованиям жизни, полноту его функций. Правовое регулирование языковой жизни зиждется в арабских странах на конституциях, ряд положений которых направлен на создание привилегий арабскому языку, объявленному повсемест-

но государственным или национальным, наряду с утверждением, что все население страны принадлежит к единой нации.

Упоминание о языке имеется в конституциях всех арабских стран. В большинстве конституций утверждается, что арабский язык является официальным языком государства. Пожалуй, одним из самых первых упоминаний об официальном статусе арабского языка в истории законодательства следует считать 30-й параграф законопроекта, который был утвержден 8 июня 1879 года Консультативной палатой Египта, высшим законодательным органом страны в тот период, и послан Хедиву, правителю страны, на утверждение. В нем, в частности, говорилось: «Официальный язык, который должен употребляться во время работы Консультативной палаты, — арабский». С тех пор во всех законодательных актах и в Конституции Египта отмечается, что арабский язык является официальным языком, а ислам — государственной религией.

В настоящее время упоминание о том, что арабский язык является официальным языком, имеется в конституциях Ливана (статья XI), Иордании (II), Туниса (преамбула), Мавритании (III), Кувейта (III), Алжира (V), Ливии (II), Ирака (VII), Марокко (преамбула), Объединенных Арабских Эмиратов (VII), Катара (I), Сирии (IV), Судана (X) и Бахрейна (II).

Пока еще нет соответствующего параграфа о языке в Национальной хартии Палестины и в Конституции Сомали.

В конституциях пяти арабских государств говорится о том, что наряду с арабским разрешается употребление и другого языка. Конституция Ливана отмечает, что французский язык может быть использован в «самых разнообразных условиях». Нелишне напомнить, что в Конституции Ливана до внесения в статью XI поправки 9 ноября 1943 года, в частности, говорилось следующее: «Арабский язык — официальный национальный язык, употребляемый во всех государственных учреждениях; французский язык также считается официальным, специальным законом определяются все сферы его употребления».

Таким образом, в старом тексте ливанской Конституции до внесения в него поправки указывалось, что, наряду с арабским, официальным языком считается также и французский язык. Согласно поправке к Конституции, французский язык потерял статус официального, но при этом было разрешено его употребление в самых разных условиях, определяемых законом.

Французский язык и поныне употребляется в Ливане довольно широко некоторыми слоями населения — по преимуществу в различных сферах общественной жизни.

Возвращаясь к истории вопроса о функционировании французского языка в Сирии и Ливане, отметим, что в конституционных актах, которые были приняты во время французского правления государством, существовавшим тогда на территории нынешних Сирии и Ливана, говорилось: «Арабский и французский языки являются официальными языками» (Основной закон правительства Латакии от 14 мая 1920 года, статья X. Основной закон правительства области Пжебель, Ливан от 14 мая 1920

года, статья X). Большой интерес для нас представляет то, как вопрос об официальном языке зафиксирован в Конституции Ирака: «А) Арабский язык — официальный язык. Б) Курдский язык, наряду с арабским, является официальным в районе, населенном курдами».

В отличие от Конституции 1964 года, где в статье III говорится, что «ислам — государственная религия и основа для выработки Конституции страны; арабский язык — официальный язык государства», в новой Конституции 1976 года (статья VII) наряду с арабским, официальным языком страны в районе, населенном курдами, объявляется также и курдский, т. е. иракское правительство, учитывая объективные условия страны, официально признало не только статус курдского языка, но и тот факт, что население страны состоит из двух основных этнических общностей: арабов и курдов. Что касается Туниса, то в преамбуле Конституции этой страны отмечается верность Туниса «исламской религии», его принадлежность «к арабской нации» и «единству стран Большого Магриба», а арабский язык объявляется государственным языком страны. В преамбуле Конституции Марокканского королевства говорится о том, что «королевство, будучи суверенным мусульманским государством», «является составной частью Большого Магриба» и признает арабский язык в качестве официального. Однако в Конституции Марокко в отличие от Конституции Туниса нет упоминания о принадлежности к арабской нации или об «арабизме» («уруба»: «арабское происхождение», «арабский мир», «чистый арабский язык») как политической, социальной или культурной идее. Довольно подробно о статусе языков, употребляемых на территории Алжира, упоминается в конституции этой страны. Уже в первой конституции независимого государства, принятой в сентябре 1963 года, отмечается, что Алжир — это неотъемлемая часть арабского Магриба, арабского мира и Африки (статья II), что «арабский язык является государственным и официальным языком государства» (ст. V). В ст. CXXXVI, которая констатирует «необходимость распространить употребление арабского языка в ближайшее время на всей территории республики», одновременно указывается, что «вопреки установкам настоящего законодательного акта разрешается временно использовать французский язык наряду с арабским». Особо отметим, что в алжирской Конституции подчеркивается, что употребление французского языка носит временный характер. Во всех трех конституциях страны, принятых до настоящего времени, ислам определяется в качестве государственной религии.

В Конституции Мавритании о языке говорится следующее: «Арабский язык — официальный, государственный язык страны; официальные языки Мавритании — французский и арабский» (ст. II). В тексте Конституции провозглашен статус арабского языка, а также подчеркивается, что официальных языков — два, более того, из них французский язык назван первым. Это можно объяснить спецификой языковой ситуации, сложившейся в стране, где французский язык достаточно глубоко укоренился в сфере официальных отношений и по-прежнему активно функционирует в других сферах.

Особенности языковой ситуации учтены и в Конституции Судана. Помимо упоминания о том, что арабский язык является официальным (ст. VII), в ст. XXXIX, в связи с положением о деятельности Народного собрания — высшего органа власти в стране — и его комиссий, отмечается, что помимо арабского допускается с разрешения председателя Народного собрания или руководителей комиссий употребление других языков, хотя и не уточняется, каких именно. Отсутствие ссылки на конкретные языки отражает сложность национально-языковой структуры суданского общества.

Мы не анализируем причины, которые привели к появлению в конституциях арабских стран специальных статей и параграфов о функционировании языков, для нас важно отметить, что эти конституции гарантируют право на использование арабского, а в некоторых странах — и других языков, и что этот факт является одним из проявлений языковой политики арабских стран.

На определение и проведение в жизнь языковой политики влияют такие факторы, как отношения между языками и выполняемые ими функции, придаваемый им статус, цели общества в сфере образования и ряд других, являющиеся компонентами этнолингвистической и языковой ситуации. При анализе языковой политики по странам мы отмечали различия в проявлении этих факторов, что позволяет говорить о существовании разных типов языковой политики, характерных для: а) стран Машрика, б) стран Магриба, в) моноэтнических стран, г) полиэтнических.

При общности исходных идей концепции языковой политики лингвистическая арабизация в странах Арабского Востока существенно отличается — прежде всего объектом политики и условиями ее проведения, от языковой политики в странах Магриба, для которых она оказалась наиболее сложной и многоаспектной, так как ориентирована не только на развитие полифункциональности литературного языка, использование его в качестве языка обучения на разных ступенях образования и средства общения во всех сферах, как в странах Арабского Востока, но и на вытеснение и замену бывшего колониального языка на арабский литературный язык во всех сферах коммуникации. Для реализации языковой политики в странах Магриба требуются больший по своей продолжительности период времени и крупные материальные затраты наряду с решением вопросов социального, экономического и политического развития, которые так или иначе воздействуют на языковые и этнические процессы.

В основе теории арабизации лежит не только идея общего языка, способствующего национальному единству, но также и идея замены существующей, скопированной с западных образцов, системы образования новой системой, учитывающей как установки религии, традиционные духовные ценности, так и достижения современной техники и науки. Основными функциями образования, по мысли арабских идеологов, считается сохранение арабо-мусульманского культурного наследия и передача традиций и ценностей прошлого новому поколению, что должно гарантировать араб-

скому миру преемственность, устойчивость и культурно-языковое единство. Проблема развития арабского образования рассматривается как составная часть общеарабского плана развития арабской культуры, как важнейший элемент языковой политики. По характеру языковая политика может быть отнесена к категории централизованных, она не является только внутренним делом каждой арабской страны, она вырабатывается на основе учета интересов каждой и всех арабских стран вместе.

Важнейшим условием дальнейшего развития процессов арабизации в системе образования, да и эволюции самой системы, является совместная межабская деятельность в сферах образования и культуры. Существующий на сегодня объем сотрудничества между арабскими странами в сфере культуры, образования и языка и его характер явно не учитывают существа проблемы, важности проведения общеобязательных мероприятий. Причиной этого, видимо, следует считать как отсутствие необходимой политической, экономической и культурной базы, так и невыполнение тех многочисленных рекомендаций Арабской организации по вопросам образования, культуры и науки (АЛЕКСО), разного рода межабских конференций, целью которых была активизация деятельности организаций и учреждений, принимающих участие в образовательной деятельности в арабских странах. Арабская система образования развивается крайне медленно, в настоящее время она еще не в состоянии серьезно способствовать созданию языковой среды, наполнению арабского общества носителями литературного языка, удовлетворению запросов и требований социального и экономического развития арабских стран, хотя многие годы проводится целенаправленная образовательная политика по развитию системы образования и борьбе с неграмотностью; ликвидация последней ведет к преодолению ситуации диглоссии (арабский литературный язык — территориальные диалекты). Обновление в основном затронуло начальное образование, среднего и высшего образования реформа почти не коснулась, высшее образование по-прежнему остается элитарным.

Арабские страны не смогли обеспечить выполнение задачи, поставленной «Общеарабской стратегией по ликвидации неграмотности и обучению взрослых» — добиться полной ликвидации неграмотности.

Важную роль в распространении и осуществлении языковой политики в арабских странах играют пресса, радио, телевидение, кино и театр. Однако выполнение рекомендаций языковой политики в средствах массовой коммуникации встречает немало трудностей из-за: 1) отсутствия языкового единства, 2) высокого процента неграмотных, 3) ограниченности тиражей печатной продукции, 4) недостаточной оснащенности населения аудиовизуальными средствами, 5) широкого функционирования в средствах массовой информации иностранных языков.

Проведение официальной языковой политики, осуществляемой государством, потребовало создания специальных государственных органов, которые взяли на себя теоретическую и научно-практическую работу по формированию и реализации языковой политики арабских стран.

Эта деятельность включает в себя: 1) разработку идеологических и практических основ языковой политики и в первую очередь арабизации; 2) подготовку и принятие решений и рекомендаций по языковым вопросам, связанным с проведением языковой политики; 3) разработку, утверждение, распространение новой терминологии, относящейся к различным областям общественно-политической и культурной жизни, науки и техники; развитие и совершенствование лексики; 4) унификацию терминологии в пределах страны и всего региона, составление словарей; 5) разработку литературной нормы, обеспечение использования на практике новых правил грамматики, совершенствование функциональных стилей, слежение за употреблением новых лексических единиц; 6) вопросы перевода; 7) разработку проблем взаимоотношения между литературным языком и народно-разговорными языками, функционирующими в арабских странах; 8) помощь в развитии арабской системы образования, культуры и науки, ликвидации неграмотности. За всеми этими мероприятиями, в первую очередь, стоит стремление вернуть арабскому языку главенствующую роль в жизни общества.

К важнейшим учреждениям, занятым в сфере лингвистической арабизации, относятся Академии арабского языка, Арабская организация по вопросам образования, культуры и науки, Постоянное бюро по координации лингвистической арабизации и ряд других. Несмотря на то, что их рекомендации не имеют обязательной силы и нуждаются в поддержке законодательных актов, эти научные организации играют заметную роль в языковой политике арабских стран.

Остановимся на деятельности в сфере лингвистической арабизации нескольких главных научных организаций и учреждений: Сирийской академии арабского языка, Каирской академии арабского языка, Иракской академии наук, Иорданской академии арабского языка и, более подробно, Арабской организации по вопросам образования, культуры и науки, а также Постоянного бюро по координации лингвистической арабизации. Хотя, естественно, в движение за арабизацию вовлечены и все учреждения системы образования, и другие организации, многие мероприятия которых в конечном результате направлены на распространение арабского литературного языка. По мнению ряда арабских исследователей (As-Sayyadi: 182), идея создания академий арабского языка восходит либо к научным обществам, которые существовали много веков тому назад еще на Древнем Востоке, либо к тем школам-академиям, которые вошли в историю мировой цивилизации благодаря значительности вклада в развитие науки их создателей — Сократа и Платона. Вполне возможно, что сам факт отнесения этих лингвистических учреждений к разряду академий связан с расширенным толкованием термина «академия» или, что тоже весьма вероятно, с той особой значимостью, которую придают арабы своему национальному языку.

Что касается статуса и структуры нынешних арабских академий языка, то по этим параметрам арабские академии мало чем отличаются от Французской академии. Как нам представляется, далеко не случайно при

определении задач и организационной структуры арабских академий языка за образец была взята именно Французская академия. Здесь, видимо, учитывался тот факт, что Французская академия была основана в 1635 году и является старейшим научным учреждением Европы, и то, что ее создание и беспрецедентное по длительности функционирование способствовало распространению французского языка и регулированию языковых проблем. Обращение к истории деятельности Французской академии должно было напомнить правителям арабских стран, что им следует при проведении языковой политики активно использовать опыт Франции, для которой всегда было характерно регулирование проблем языка через ордонансы, принимаемые правительственными инстанциями. Создание арабских академий языка можно рассматривать как важный шаг на пути профессионализации филологической науки, институционализации исканий в этой сфере. В арабских странах процесс формирования высших филологических учреждений развертывался постепенно.

Старейшей по продолжительности своей непрерывной деятельности следует считать Академию арабского языка, основанную в Дамаске в сентябре 1919 года. По сути дела, дамаская академия была первым официальным научным органом во всем арабском мире, включившим в план своей деятельности проблемы арабизации. В восьмом параграфе законодательного акта об учреждении Академии арабского языка, о ее целях и функциях говорилось следующее:

«Проведение научных исследований в области арабского языка, стремление сохранить язык от проникновения искажений; принять все меры для его распространения во всех областях науки, техники и современных изобретений».

Уже на самых первых порах своего существования Академия проделала большую и важную работу по внедрению арабского языка в правительственные учреждения, в систему школьного и, частично, университетского образования. Различные учреждения и ведомства (управление народного образования, управление полиции, генеральный штаб армии и др.) направляли в Академию списки турецких терминов, находящихся в употреблении. Академия заменяла их на арабские. Вскоре арабские термины вытеснили турецкие из многих сфер жизни страны¹. Для деятельности Академии характерна и широкая пропаганда арабского литературного языка не только как средства письменного общения, но и как разговорного. Среди научно-практических задач, которые довелось решать Академии, были сбор лексического материала для создания словарей, подготовка и проведение реформы делового языка и языка документации. Важной проблемой, решаемой Академией, следует считать формирование единой литературной нормы. В качестве ориентира был выбран классический арабский язык. Считалось, что это по-

¹ См.: «Отчет Иорданской академии арабского языка за первый год деятельности». Амман, 1978 г.

может сохранить арабский язык от проникновения иноязычных лексических заимствований в форме, не соответствующей нормам арабского языка. В функции Академии входила также подготовка чиновников со знанием письменного литературного языка для различных государственных учреждений. Знакомство с научными исследованиями, выполненными в рамках Академии, показывает, что она много сделала для возрождения и развития литературного языка, для внедрения арабского языка во все сферы жизни Сирии.

Деятельность Академии в Дамаске явилась хорошим импульсом для основания аналогичных научных учреждений в других арабских странах: в Египте, Ираке, Иордании.

Конкретные направления деятельности Каирской академии, которая ставила перед собой в качестве основной задачи развитие, популяризацию, стандартизацию арабского языка, включали в себя:

- 1) «борьбу за сохранение чистоты арабского литературного языка и его развитие в соответствии с требованиями современности», принятие решений относительно его нормализации;
- 2) разработку и внедрение новых терминов;
- 3) изучение проблем перевода на арабский язык;
- 4) разработку конкретных предложений об арабизации университетского образования;
- 5) составление и издание словарей по различным областям знаний;
- 6) улучшение методики преподавания арабского языка в арабских странах и за рубежом;
- 7) изучение и популяризацию арабского культурного и научного наследия, разработку методов их изучения.

Рост знаний в разных областях филологической науки, популяризация достижений науки явились значимым фактом духовной культуры Египта на всем этапе деятельности Каирской академии.

Характер полученных исследований можно продемонстрировать, определив объекты исследования ученых в Академии за последние 20 лет. Среди тем исследований прежде всего следует назвать изучение проблемы определения и установления норм арабского языка. В связи с обсуждением этой проблемы подчеркивалось, что арабский литературный язык принадлежит к строго нормализованным языкам. Его современная норма была установлена на основе классического языка, ее придерживались и соблюдают писатели и журналисты. Она обязательна для употребления на всех ступенях системы образования.

Решая проблемы словообразования, Каирская академия отставала пуристическую позицию, она стремилась в своих практических разработках и рекомендациях всячески ограничить заимствование иноязычной лексики, арабизировать термины, взятые из английского, французского, итальянского и испанского языков, отстоять необходимость при образовании новой лексики соблюдать принцип «аль-Кийас» — аналогии. Обосновывая целесообразность использования этого принципа, ученые

Каирской академии ссылались на опыт видных средневековых арабских филологов, которые утверждали, что «слова, образованные по формам, по которым образовано множество арабских слов, следует считать арабскими».

Значительное внимание в своих исследованиях Академия уделила принципам формирования лексического состава языка.

Вопрос о нормах языка периодически обсуждается на заседаниях Академии и на страницах журнала — печатного органа Академии.

В 1980-е годы разрабатывались теоретические проблемы перевода, арабизации образования, написания иностранных имен собственных. На первый взгляд может показаться, что такой разброс тем исследований представляет собой причудливую смесь чисто лингвистических вопросов с открыто социальными проблемами. И все же несомненно, что все они укладываются прежде всего в рамки деятельности, направленной на распространение литературного языка и закрепление его позиций. Академия стремится всеми силами сохранить существующую литературную норму, освященную длительной традицией. Особое внимание уделяется анализу, разработке и утверждению научно-технических терминов из разных областей знаний, образованных путем калькирования, «арабизации» или вновь созданных по арабским словообразовательным моделям.

Академия активно участвует в координации деятельности различных научных учреждений и обществ с целью унификации терминов по всем арабским странам, учитываются предложения и замечания, представленные другими академиями арабского языка, университетскими, научными обществами и отдельными лицами. Написание иностранных имен собственных — географических, исторических и других — непростой вопрос. На протяжении своей истории арабы встречались с различными культурами и ввели в свой язык большое количество греческих, латинских, персидских и иных имен и названий. Сейчас связи со многими странами Востока и Запада стали более оживленными, приняли широкий размах, и, естественно, возникла необходимость упорядочить написание иностранных имен собственных и унифицировать их по странам, с тем чтобы не было разнобоя и противоречий. Каирской академией с этой целью были разработаны 23 правила написания, которые учитывали все возможные варианты. Учитывая сложность, которую представляет для арабов написание в арабской графике иностранных имен собственных, следует отметить публикацию практических рекомендаций об упорядочении их написания. Были разработаны соответствующие правила и новый алфавит с буквами для передачи звуков, которых нет в арабском языке. Циркуляры Академии любого рода (относительно терминов, написания иностранных имен собственных и т. п.) распространяются не только через ее печатные издания, но и через обычную печать, радиовещание и другие средства массовой информации. Разрешается заносить в словари только те термины, которые отобраны и утверждены Академией. Особый аспект внимания составляет переводческая работа, которая способствует тому,

чтобы арабский язык имел все необходимые средства для отображения современного мира во всей его сложности и противоречивости.

Процесс лингвистического регулирования стал объектом постоянного внимания Академии. В тех случаях, когда возникали сложности при решении грамматических или иных языковых вопросов, обычно создавались специальные комиссии. Создание комиссий становилось одной из организационных форм деятельности Академии. Отношение к состоянию арабской филологической науки было неоднородным. Одни ученые стремились сохранить в неприкосновенности давно устаревшие формулировки, другие ориентировались только на новые явления, которые фиксировались в творчестве видных писателей и публицистов. В ходе споров и обсуждений формировались новые установки, которые выносились на утверждение членов Академии. Очевидно, что решения Каирской академии играют важную роль в развитии и упорядочении процесса арабизации, хотя вряд ли следует преувеличивать их значение, так как они не могут охватить и регламентировать все стороны творческого процесса, связанного с живым языком, и к тому же далеко не везде и не всегда реализуются на практике.

Третьей по времени своего создания стала Иракская академия наук, которая официально существует с ноября 1947 года, хотя первые практические шаги по ее основанию были предприняты в Багдаде в 1921 и 1925 годах. Иракская академия ведет исследования в области как естественных, так и гуманитарных наук. Она пользуется полной административной финансовой независимостью. Ее деятельностью руководит Министр высшего образования и научных исследований. Среди задач Академии, которые сформированы в ее уставе, — «сохранение чистоты» арабского языка, «возрождение арабского и исламского наследия в области наук, литературы и искусства», разработка проблем, имеющих непосредственное отношение к арабскому, курдскому и ассирийскому языкам, начиная с общих и частных проблем лексикологии, грамматики, орфографии и кончая конкретными предложениями по поводу преподавания этих языков в начальных школах или на других ступенях образования. Значительное внимание Академия уделяет вопросам арабского и исламского наследия в сферах науки, литературы и искусства. Силами сотрудников осуществляется перевод научных трудов на арабский язык с европейских и восточных языков. Под эгидой Академии создаются лингвистические и научные общества, которые содействуют решению задач, возложенных на Академию. Они объединяют специалистов, а также любителей естественных и гуманитарных наук. Большое внимание уделяется фольклору, изучению наследия классиков арабской филологии, переводам древних рукописных текстов, организации переводов на иностранные языки трудов иракских ученых. Ученые Академии стремятся установить и развить свои связи с зарубежными научными филологическими организациями и учреждениями. Понимая практическую значимость своих исследований, ученые Академии всемерно используют средства массовой информации для популяризации арабского языка. Во многих газетах ведется специальная колонка, освещ

щающая проблемы языковой культуры. Сознвая важность задач, решаемых Академией, государство всячески поддерживает научные филологические исследования, щедро их субсидирует, способствует одновременно формированию профессионального слоя ученых и уважительного образа филологической науки. Структура и статус Иракской академии наук обеспечивают проведение в жизнь широкой программы ее деятельности.

В состав Академии входят следующие тридцать постоянных комиссий, само наименование которых дает возможность определить общее направление их деятельности: по педагогике, психологии, инженерному делу, сельскому хозяйству, химии, арабскому языку, юриспруденции и экономике, истории и культуре, арабскому научному наследию; редакционно-издательская, по курдскому языку и по ассирийскому. Последнее время, если судить по годовым отчетам, которые ежегодно публикуются в журнале Иракской академии, на еженедельных заседаниях комиссии занимались разработкой и утверждением терминологии, соответствующей направлению деятельности каждой.

Помимо постоянных комиссий, Академия организует, исходя из текущих потребностей, временные комиссии для выполнения отдельных неотложных задач. Так, например, в середине 1980-х годов была сформирована Комиссия по разработке правил написания некоторых букв или глагольных словоформ. В функции Академии входит также издательская деятельность. На собственные средства Академия издает монографии по различным областям знаний, словари, старинные рукописи с комментариями, исследования по истории науки. У Иракской академии есть собственный журнал, где публикуются исследования по языку, литературе, истории арабского мира и истории науки.

Иорданская академия арабского языка была создана 1 октября 1976 года. Перед Академией на основании королевского указа была поставлена главная задача: обеспечить всесторонний культурный подъем населения Иордании. С момента своего создания Академия стала основным центром страны по изучению арабского языка, его популяризации и внедрению во все сферы жизни Иордании. В программу ее деятельности, как говорится в четвертом параграфе Закона об учреждении и задачах Академии, входит: а) сохранение чистоты арабского языка, его модернизация с тем, чтобы он соответствовал требованиям современной науки, литературы и искусства; б) унификация терминов в сферах науки, литературы и искусства, написание словарей; при этом ученые Академии координируют свою деятельность с Министерством просвещения и образования страны, с научными, филологическими, культурными учреждениями и организациями Иордании и других арабских стран. Что касается новой терминологии, то ее образуют на основе только арабского корня слова, учитывая, что арабский язык по своей природе склонен отвергать заимствование современных интернациональных терминов. Те же иностранные заимствования, которые так или иначе функционируют в языке, оказались объектом кампании по очищению языка от иностранных заим-

ствований; в) возрождение и публикация произведений арабского и исламского научного наследия, исторических памятников.

Оценивая деятельность Иорданской академии языка в сфере терминологии, видный арабский филолог, бессменный директор Постоянного бюро по координации лингвистической арабизации Бенабдалла писал: «Эта академия заложила научную базу для обогащения арабского языка терминами и научно-техническими идеями, подготовив подъем арабского языка на уровень других мировых языков науки» («Арабизация и ее роль в сохранении арабского мира и его единства». Бейрут, 1982: 125. — *На араб. яз.*). У Иорданской академии налажены тесные научные и методические контакты с Министерством просвещения и образования, почти со всеми учебными заведениями страны, учреждениями культуры и научными организациями. Публикуя в журнале, который издается Академией, списки и толкование новых терминов, Академия занималась их распространением через все средства массовой информации, осуществляла контроль за их употреблением в практической деятельности учреждений, учебных и научных заведений.

Все академии арабского языка в известном смысле решают задачи одного порядка. Они добились некоторой координации и согласованности в своих действиях, распределили между собой научные дисциплины, стремясь избежать дублирования при решении различных языковых проблем. С целью координации деятельности академий в апреле 1970 года была учреждена Федерация арабских академий языка, в которую вошли сначала Дамасская, Иракская и Каирская академии, а затем в 1977 году — Иорданская. Федерация является юридическим лицом и пользуется административной и финансовой независимостью. Последнее обстоятельство весьма немаловажно для развития науки в рамках всего региона, так как Федерация берет на себя организацию связей между академиями, распределение подлежащих изучению научных дисциплин, координацию действий и мероприятий по развитию арабского языка, изучению научного и культурного наследия, а также всю работу по унификации и опубликованию арабских научных, технических и других терминов. Федерация по сути дела наделялась высшей властью в решении языковых вопросов.

Во главе Федерации стоит научный совет или, точнее, Совет Федерации академий арабского языка и науки, в состав которого входят по два представителя от каждой арабской академии языка. Срок полномочий Совета — 4 года. Не реже одного раза в год он проводит свои заседания. Из своего состава Совет избирает председателя, генерального секретаря и двух секретарей.

Анализ деятельности арабских академий языка показывает, что их создание явилось началом нового важного этапа в совершенствовании арабского литературного языка. Тенденции к расширению его коммуникативных функций, росту заботы о языке становятся все заметнее. Усилия, направленные на более широкое использование литературного языка —

дело, которое затрагивает все арабские страны. С точки зрения арабской лингвистической традиции, вопросы нормы и кодификации литературного языка являются важнейшей задачей арабской лингвистики, которую должны решать ведущие научные учреждения, занимающиеся изучением арабского литературного языка. Однако усилия академий языка и других научных учреждений, направленные на решение общих и частных лингвистических проблем, видимо, не дадут ожидаемых результатов, пока законодательные органы не примут соответствующие политические решения, где будет сформулирован тезис об обязательном употреблении арабского литературного языка, об использовании его в качестве единственного средства преподавания на всех ступенях обучения, о сферах функционирования других языков. Современное состояние литературного языка, его распространение и функционирование не достигли еще того уровня, когда можно со всей очевидностью говорить о плодотворности деятельности академий, об эффективности практической реализации целей, сформулированных языковой политикой арабских стран.

То, что происходит в настоящее время в средствах массовой информации в области словообразования, вряд ли можно оценить положительно. Стоит только послушать передачи радио Рабата или другой столицы арабского государства, как подобный вывод напрашивается сам собой. Все песни исполняются на местных диалектах, литературные слова иногда произносятся в соответствии с нормами народно-разговорного языка, подчиняются этим нормам и числительные, пьесы исполняются, как правило, на местных территориальных диалектах и т. д. А если кому-нибудь доведется послушать спортивные передачи Каирского радио, в частности, трансляцию футбольного матча, то до его слуха долетит какая-то языковая арабо-английская смесь — складывается впечатление, что звучат английские слова в египетском диалектном произношении, при этом даже нельзя со всей определенностью сказать, маркируется ли то или иное слово как английское или оно заимствовано из какого-либо другого языка. Например, «алоиг» (аут) (английское слово получило определенный артикль), «согпег» (корнер) и т. д. Перелистаем программу театральные пьес, получивших в последние годы распространение в арабском мире, посмотрим новые кинофильмы, и нас поразит тот факт, что большинство этих произведений искусства — иностранного происхождения, значительно меньше создано на территориальных диалектах. И буквально на пальцах можно сосчитать произведения на литературном языке.

Речь должна идти о сознательной целенаправленной заботе о литературном языке, о культуре речи. В арабских странах мы найдем довольно ограниченное количество работ, которые были бы посвящены общим и конкретным проблемам функционирования арабского литературного языка. Здесь следует говорить о многоаспектности, о целом комплексе мероприятий, которые охватывают и модернизацию структуры средств массовой информации и улучшение деятельности органов народного образования и учреждений культуры, и повышение требований к журналистам,

деятелям культуры — всем тем, кто так или иначе связан с распространением языка. От них требуется, чтобы они обладали соответствующим языковым и культурным уровнем, «культурой языковых высказываний», сознавали свою ответственность перед обществом. Тогда, возможно, возникнут более благоприятные условия для внедрения и арабского литературного языка, и обиходно-разговорной формы в те сферы общения, где ныне господствуют территориальные диалекты: на улице, в доме, на рынке. Все эти мероприятия наиболее отчетливо проявятся прежде всего в языке подрастающего и последующих поколений.

Если проблемы, о которых мы говорили выше, можно отнести к области языковой культуры, к совершенствованию литературного языка, к проблеме образования, то следующая проблема, о которой пойдет речь касается языка повседневного общения лиц, получивших образование, именно той группы людей, которые определяют культурно-языковой уровень арабской интеллигенции, ее языковую и речевую культуру. Испытывая эйфорию по отношению к Западу, стремясь «вестернизироваться» и в поведении, и в языке, эта новая «элита» представляет собой источник социальных конфликтов. Что касается ситуации, которая сложилась с арабским языком, то она лишней раз дает возможность понять, как велика и значима роль научных учреждений, которые решают конкретные проблемы арабского языка и его функционирования в специфических условиях каждой страны на основе объективного социолингвистического анализа.

Все арабские организации и учреждения, занятые в сфере культуры и образования, являются либо неправительственными (религиозные, общественные, частные, благотворительные), либо правительственными. Последние, в свою очередь, в зависимости от характера своей деятельности делятся на государственные и межгосударственные (международные). Главенствующую роль среди организационных структур, принимающих участие в разработке и проведении языковой политики, играет Арабская организация по вопросам образования, культуры и науки (АЛЕКСО).

Согласно уставу АЛЕКСО, который был утвержден в мае 1964 года Лигой арабских стран (ЛАС), на эту организацию возложена вся организационная работа по координации усилий стран — членов Лиги в сферах культуры, образования и науки. В рамках арабского мира она отвечает за реализацию всех проектов в этих сферах. С июля 1970 года АЛЕКСО начала свою практическую деятельность как самостоятельное специализированное агентство при ЛАС. Она осуществляет свою деятельность как в пределах арабских стран и всего региона, так и за их рубежами.

Основная цель АЛЕКСО сформулирована в Хартии арабского единства в области культуры, а также в ее уставе, где подчеркивается, что вся деятельность этой организации направлена на достижение идейного единства всего арабского мира.

АЛЕКСО ставит перед собой задачу сохранить арабское культурное наследие, положить его в основу современного воспитания и образования.

Все усилия организации направлены, как говорится в ее уставе, на воспитание нового человека, который, опираясь на современные научные методы, строго следуя общепринятым нравственным критериям, должен принять активное участие в создании арабской нации, общества, придать им современные социальные, нравственные, идейные и другие черты.

Наиболее полно функции АЛЕКСО можно узнать, познакомившись со стратегическими задачами, стоящими перед этой организацией, которые сформулированы следующим образом: 1) способствовать ликвидации неграмотности и обучению взрослых; 2) всемерно содействовать: (а) развитию арабской системы образования, (б) развитию арабской культуры и науки; 3) стремиться ввести арабский язык в качестве языка обучения во всех учебных заведениях, 4) поощрять создание арабской информационной службы (АЛЕКСО, 1970–1987: 46).

Учитывая тот факт, что АЛЕКСО представляет арабские страны на международном уровне, она берет на себя всю ответственность за участие в различных международных мероприятиях в сферах культуры, образования и научных исследований. В своей деятельности АЛЕКСО стремится расширить и углубить связи с различными странами мира, особенно в области науки и культуры, сохраняя при этом духовную самобытность, присущую арабо-мусульманской культуре. Предметом особой заботы АЛЕКСО является арабский язык, который рассматривается как неотъемлемая часть арабской культуры.

В области международного сотрудничества АЛЕКСО видит свои цели в распространении арабской мусульманской культуры и арабского языка среди мусульман, в укреплении позиций арабского языка в сфере политики и культуры, в зарубежных научных и других кругах в качестве мирового языка как языка науки и культуры, который может поддерживать связи между культурами разных народов мира с тем, чтобы добиться нового расцвета арабской цивилизации, помочь арабской нации занять достойное место в мировом сообществе.

Большой известностью в арабских странах и за рубежом пользуются научные труды, созданные под эгидой Постоянного бюро по координации лингвистической арабизации, которое принимает активное участие в языковой жизни арабских стран.

Основное направление своей деятельности этот орган видит в создании соответствующего научного обоснования для использования арабского языка на всех этапах обучения, а также в культуре и средствах массовой информации. Именно это научное учреждение осуществляет контроль за ходом процесса арабизации, изучает со всех сторон этот процесс, занимается проблемами обогащения арабского языка современными терминами, унификацией научной терминологии, отвечает за подготовку и проведение периодически созываемых конгрессов по вопросам арабизации. Бюро является консультативным органом.

С целью активизации всех работ по арабизации различных областей науки и высшего образования в Дамаске в начале 80-х годов XX века

был создан специальный Арабский центр по арабизации, переводу и публикации. На IV конгрессе министров высшего образования и научных исследований, который состоялся в столице Сирии в августе 1989 года, особое внимание в связи с анализом деятельности этого Центра уделялось вопросам научного перевода, организации содействия ходу процесса арабизации системы высшей школы и научных исследований, а также переводу художественных произведений, шедевров мировой культуры и арабской мысли, на арабский и другие языки. Отметим также, что среди направлений деятельности Центра — решение проблемы унификации терминов при переводе, обобщение опыта арабских академий языка, специальных комитетов по терминологии при арабских университетах, Постоянного бюро по координации лингвистической арабизации, работа по унификации учебников для университетов и других высших учебных заведений. За время своего существования АЛЕКСО неоднократно выступала с различного рода планами и проектами по реализации стратегических задач, стоящих перед арабским миром.

Следует отметить, что почти во всех планах и проектах специальные разделы посвящены мерам по защите арабской культуры от вестернизации или так называемым мерам по «обеспечению безопасности арабской культуры» и «сохранению ее самобытности».

Говоря об АЛЕКСО, следует особо остановиться на ее издательской деятельности. По данным на декабрь 1987 года под грифом организации было издано 1275 книг, многие из которых выдержали не одно издание. Это в основном книги по культуре, арабскому культурному наследию, истории, разным видам искусства, средствам информации, образованию, проблеме ликвидации неграмотности, педагогике, современной методике преподавания, фундаментальным и прикладным наукам. 276 книг были посвящены вопросам образования, ликвидации неграмотности и обучению взрослых, 731 — вопросам культуры, филологии и общественной мысли, 104 — различным направлениям науки, 92 — информатике. Особо следует отметить подготовку нескольких основных учебников для обучения арабскому языку иностранцев, а также словаря-минимума. АЛЕКСО издает ежегодно 20 периодических изданий: журналов, сборников, статистических справочников. Наличие этих печатных изданий, позволяющих носителям арабского языка закреплять и совершенствовать свою грамотность, получать новые знания на арабском языке, является довольно сильным импульсом, воздействующим на энтузиазм сторонников арабизации, способствует повышению культурного и социального престижа арабского литературного языка.

Важным направлением в работе АЛЕКСО и сегодня остается периодическое проведение конференций, в которых, как правило, принимают участие министры просвещения и культуры арабских стран, высшего образования и научных исследований. Решения этих конференций носят обязательный характер как для самой АЛЕКСО, так и для соответствующих министерств различных стран, при этом естественно возрас-

стает роль АЛЕКСО как координационного центра. Координацией охватываются все учреждения и организации, имеющие отношение к реализуемым проектам, секретариат ЛАС, устанавливаются контакты с международными организациями.

Решение проблем арабизации зависит не только от уровня экономического, социального и культурного развития страны и настойчивости в проведении самой языковой политики, но и от учета как временного фактора (процесс образования социальных слоев, которые могут быть носителями литературной нормы, — весьма длительный), так и социально-этнических особенностей страны.

Особое политическое и культурное значение вопрос о языковой политике имеет для стран полиэтнических, многоязычных (к этой группе относится почти четверть арабских стран), он связан в первую очередь с проблемой «паритета», или «равенства», с выбором национального (государственного) языка; помимо этого, в странах полиэтнических опасность национально-языковых конфликтов намного выше, чем в однопациональных. В рамках арабоязычного мира, наряду с многоязычными государствами, существуют региональные административные образования, которые в силу своего этнического и языкового многообразия, этнических традиций и культуры живут автономной жизнью, позволяющей рассматривать эти образования (наравне с государствами) как территориально ограниченные коммуникативные общности со своей языковой политикой.

В полиязычных странах (Ирак, Алжир, Судан) правящие круги под предлогом достижения достаточного уровня языковой гомогенности и национальной консолидации отвергают языковой плюрализм и проводят политику преимущественного использования одного языка в качестве средства официального общения — языка подавляющего большинства населения. Государство берет на себя не только обязанность организовать обучение арабскому языку, но даже принуждает к этому население. Арабизация в отношении национальных меньшинств, несмотря на то что большая их часть исторически ориентирована на арабо-мусульманскую культуру, имеет иной смысл, чем для арабов; она проявляется как ассимиляторская, шовинистическая тенденция по отношению к их языку и культуре, как нарушение национального равноправия, ущемление их национального достоинства, дискриминация их языка и культуры. Направлена она и против билингвизма, в первую очередь национально-арабского, который получил распространение в ряде стран. Неравноправный статус языка национальных меньшинств становится препятствием на пути решения национально-языкового вопроса, является поводом для выражения недовольства, способствует пробуждению национального самосознания — язык становится знаменем борьбы за самобытность его носителей, средством мобилизации к борьбе за свои национальные интересы: возникают условия для проявления языковых конфликтов, как, например, в Алжире.

В течение длительного времени жители стран Магриба, особенно те, кто получил образование в арабских или французских школах, привыкали ко всему французскому: языку, культуре, образу мышления... Когда сейчас констатируют, что, несмотря на некоторые успехи, арабизация в Алжире переживает кризис, то одну из главных причин этого кризиса усматривают в существовании противоречия между принадлежностью Алжира к арабскому миру и объективно сложившейся в нем ситуацией, порожденной влиянием французского колониализма: французский язык продолжает оставаться для больших групп людей языком повседневного общения в быту, на улице и на работе (Хайри Азиз. Ат-таджириба ал-джаза ирийа фи-т танмия ва-т-тахдис, 1978: 119).

Принято считать, что численность берберов в Алжире достигает 35% численности всего населения страны. Политика арабизации в Алжире на современном этапе привела к серьезным разногласиям между арабами и берберами, составляющими основу алжирской нации, процесс формирования которой еще не закончен.

Решение о повсеместном введении арабского языка наталкивается на сопротивление берберов². Они остро реагируют на меры, предусматривающие применение во всех сферах жизни только арабского языка.

Для берберов, несмотря на то что многие из них, как известно, помимо родного языка владеют алжирским народно-разговорным, политика арабизации имеет иной смысл, чем для арабов. Это не только исключение французского языка из сферы общения, но и требование отказаться от употребления родного языка, забыть о своем этническом происхождении. Массовое франко-берберское или арабо-берберское двуязычие предлагается заменить на арабское одноязычие или арабо-берберское двуязычие. Следует сказать, что подавляющее большинство берберов осознают, что их социальное продвижение и культурный рост в значительной степени зависят от овладения ими арабским языком. Реально существующее явление билингвизма или полилингвизма среди берберов превращается в серьезную политическую проблему. Упор на исключительное употребление арабского языка — источник межэтнической напряженности. В движении берберов нельзя не видеть роста влияния кабилской интеллигенции, сформировавшейся в серьезную политическую силу, которая чувствует себя ущемленной в культурном, экономическом и политическом отношениях и одновременно ощущает за спиной мощную моральную поддержку берберского населения не только Алжира, но и Марокко, где проблема арабизации решается в ином (более благоприятном для берберов) ключе, чем в Алжире.

За время независимости страны в политической жизни алжирского общества стали наблюдаться новые явления: наряду с тенденцией к этнической консолидации, сплочению разнородного населения государства, среди образованной части берберов все явственнее стали проявляться

² Бербероязычное население преобладает среди горцев и жителей некоторых оазисов Сахары (кабилы, шауя, туареги). Много кабилы поселилось в городах.

тенденции к партикуляризму, к самостоятельному, в рамках единого государства, этническому развитию, что не может не оказывать глубокого эмоционального воздействия на население.

Анализ берберо-арабского языкового конфликта показывает, что он порожден не только современными обстоятельствами, но в какой-то мере продолжает конфликты, которые были в прошлом.

Стремление сохранить берберский язык всегда выступало как оружие политической борьбы. Неравноправный статус берберского языка, ставшего знаменем борьбы за самобытность его носителей, средством мобилизации берберов к борьбе за интересы берберской общины, используется ими как повод для выражения недовольства, для пробуждения национального самосознания, для преодоления культурной отсталости, для представления берберам равных прав с арабами на получение образования.

Движение за берберский язык проявляется по-разному:

- а) борьба против «арабизации», принимающая различные формы;
- б) выдвижение требований о широком употреблении этого языка, о неотложной необходимости проявить заботу о его развитии и создать центры по изучению берберского языка, добиваться его использования в качестве языка обучения в школе, создавая классы с обучением на родном языке;
- в) обращение берберского населения к французскому как языку межэтнических контактов;
- г) непрекращающаяся эмиграция кабийской интеллигенции во Францию, все более активные действия против политики «арабизации» (в Париже создан Комитет защиты культурных прав Алжира);
- д) большее употребление берберами родного языка в семейно-бытовом обиходе (кабийского, туарегского и др.).

В прессе разных арабских стран движение берберов почти единодушно получило отрицательную оценку — столь же отрицательную, как и движение иракских курдов, с которыми его постоянно сравнивают (al-mujtama'a № 479, 1980. Al-Kuwait). Как правило, авторы статей пытаются свести причины этого движения к поискам империализма.

Параллельно с движением берберов в Алжире среди арабов растет число сторонников ускорения политики «арабизации». Таким образом в стране складывается еще одно направление политической борьбы.

Языковые конфликты Алжира, по-видимому, не будут решены, пока власти не признают берберский язык в статусе официального и не создадут специальные центры для его изучения, пока берберскому этническому меньшинству не будут созданы в Алжире, хотя бы в районах, где оно составляет большинство населения, условия, при которых берберы могли бы получать образование и на родном языке, а их этническая и культурная самобытность не будет ущемляться.

До настоящего времени в странах Магриба ощущается — и в частности, в общественной жизни людей — значительное влияние французско-

Со сторонниками французской культуры и языка тесно связаны те, кто ратует за билингвизм в системе образования. Обычно в обоснование своей точки зрения они приводят два основных аргумента: а) знание двух языков позволит быть в курсе достижений современных наук (имеется в виду, что преподавание точных и естественнонаучных дисциплин будет вестись на французском языке, а гуманитарных и общественных — на арабском); б) билингвизм дает возможность наряду с хорошим знанием национального языка овладеть и другим языком — языком высокоразвитой страны.

Идеологическая борьба между сторонниками арабизации и ее противниками усиливается не только в Алжире, но и во всем Магрибе. В среде магрибской интеллигенции усилились разногласия по вопросам культурно-исторической принадлежности стран Магриба (Афиф аль-Буни — «Ал-Мустакбаль ал араби», № 72, 1985: 87). В начале 1950-х годов появилось течение под названием «исламское единство», которое стало утверждать, что магрибинцы прежде всего мусульмане, а потом уже арабы.

Затем широкое распространение получила идея о приоритете африканского единства перед арабским.

Сторонники этой идеи призывали к развитию и укреплению культурных связей между странами Магриба и Францией в рамках союза Франции с франкоязычными странами Африки — бывшими французскими колониями (Saleh Hamazaoui, 1976). В дальнейшем было выдвинуто предложение о создании Союза арабского Магриба — регионального объединения арабских стран, находящихся в Северной Африке.

Отсутствие единства и существование противоположных взглядов на арабизацию является важнейшим идеологическим препятствием на путях ее развития.

Следует отметить, что сам ход идеологической борьбы между разными направлениями в культуре стран Магриба по вопросам арабизации объективно способствовал активизации самого процесса арабизации — в последние годы проблемы арабизации вышли на авансцену общественной жизни.

Под лозунгом защиты родного языка (курдского, берберского) объединяются разные национальные слои, классовые и социальные противоречия между ними отодвигаются на задний план. Устранение языковых конфликтов связано с признанием языков национальных меньшинств в статусе государственного или официального и созданием условий не только для их свободного, равноправного функционирования в различных сферах, но и для обучения этим языкам. Сохранение и развитие этих языков, а также признание принципа приоритета родного языка становится актуальной задачей языковой политики. В нынешней ситуации, сложившейся в странах с полиэтническим населением, неприятие арабизации в целом способствует сохранению позиций европейских языков — языков бывших метрополий.

Примером региональной языковой политики может служить политика, которая проводится в южных провинциях Судана, на территории

В Судане — самая сложная на всем африканском континенте по своей структуре этнолингвистическая ситуация, уникальная в мировой практике.

Внутренняя нестабильность в государстве, многонациональный состав населения, его этноязыковая пестрота, существование нескольких религий и культур, разнообразие исторического наследия, многовековые контакты с народами Средиземноморья и Ближнего Востока, прежде всего Египта и Аравийского полуострова, географическое расположение в окружении арабских стран и одновременно в центре африканского материка, наличие границ, не учитывающих интересы этнических групп, высокий уровень неграмотности и некоторые другие факторы делают Судан особой социокультурной общностью, многомерность которой должна учитываться во всем своем многообразии при анализе и решении всех аспектов языкового вопроса.

При населении в 22 миллиона человек (1984 год) здесь насчитывается 597 разных этнических единиц, из них только 40% причисляют себя к арабскому этносу, остальные — к различным негроидным племенам. Все эти народности и племенные группы, находящиеся на разных ступенях социально-экономического развития и стадиях формирования этнических общностей, говорят на различных языках.

В отличие от северных провинций, где большинство населения составляют арабы, в Южном Судане проживает около 50 различных крупных этнических групп, носителей восточноафриканской культуры.

Особым языковым разнообразием отличается район Нубийских гор, где на сравнительно небольшой площади функционируют несколько десятков языков, принадлежащих к разным группам и подгруппам африканских языков. Недаром этот район иногда называют африканским Кавказом. Что касается арабского языка, то среди разноразличных этносов Южного Судана в качестве средства межэтнического общения выступает не литературный язык или суданский обиходно-разговорный язык, получивший преимущественное распространение на севере страны, а пиджин-арабик, функционирующий в разных коммуникативных сферах, в том числе в экономике и административном управлении.

Из-за высокого уровня неграмотности арабский литературный язык практически неизвестен подавляющему большинству населения Южного Судана. Вместе с тем благодаря деятельности христианских миссионеров, работающих в этом регионе, английский язык использовался в качестве письменного средства для основных местных этносов, благодаря чему завоевал престиж среди южан-христиан. Все это способствовало тому, что среди образованных южан к английскому языку перешла та роль, которую арабский язык играет как язык религии на севере страны.

Выбор государственного языка относится к числу важнейших проблем, стоящих перед Суданом вообще и перед Южным Суданом в частности. Конституция Судана, принятая в 1973 году, признавала арабский язык в качестве государственного, тем самым было заложено юридическое обоснование для проведения политики арабизации, с помощью которой су-

данские власти стремятся закрепить политическое господство арабов над другими этническими общностями. Помимо этого они считали, что распространение арабского языка будет способствовать общесуданскому единству. По их мнению, поощрение нескольких языков создает препятствия такому объединению, и поэтому они отстаивают выбор арабского языка в качестве государственного как гаранта от раскола страны на отдельные общности, как фактора, закрепляющего позиции Судана в сообществе арабских государств. В этой связи была разработана целая серия законодательных актов и практических мероприятий, которые в известной степени учитывали социально-экономические условия, этнический состав населения, а также характер политической ситуации, порожденной обострением межэтнических противоречий и ростом сепаратистских тенденций среди населения южных провинций страны. К числу таких актов следует отнести соглашение о предоставлении Южному Судану автономного статуса в рамках единого суданского государства, заключенное между центральным правительством Судана и руководством южносуданских сепаратистов в март 1972 года в столице Эфиопии Аддис-Абебе, в котором, помимо политического урегулирования проблемы юга, говорилось об арабском языке как государственном языке всего Судана, а английскому придавался статус официального только в южных провинциях.

Однако нельзя не сказать о конфликтной ситуации, которая возникает в связи с использованием английского языка в качестве официального. Это выбор объективно сам по себе вызывает волну недовольства, оно возникает в связи с языковым барьером, который отделяет основную, многочисленную часть населения, не говорящую на этом языке, от государственного аппарата, который настойчиво выступает за приоритет английского языка.

Для региональной языковой политики в Судане характерна высокая степень поляризации двух концепций, каждая из которых время от времени определяет ее направленность и характер. Одна из них стремится закрепить позиции арабского языка, распространить его на районы, где он раньше не употреблялся, заменить английский язык в сфере образования на арабский, еще больше сузить и без того узкое функционирование местных языков, которые весьма ограниченно используются в сферах народного образования, в средствах массовой коммуникации, духовной жизни общества и почти не функционируют в сфере государственного управления и общественно-политической деятельности. Другая концепция направлена на отрицание позитивной роли арабизации, на укрепление позиций английского языка, официальный статус которого, как и ряда крупных местных африканских языков, закреплялся в законодательных актах. За каждой концепцией стоят убеждения разных общественных групп. Это противостояние порой принимает форму вооруженного конфликта. Все очевиднее становится, что необходимо искать пути сближения позиций, учитывая интересы национальных меньшинств и условия их языкового развития.

Суданцы не делают упор на обучение родному языку. Видимо, они

никнут сложности в решении экономических и научных вопросов; с другой стороны, они не могут игнорировать факт их функционирования — это означало бы обречь эти языки на отмирание. Поэтому они употребляют родные языки на определенной стадии, ограничив их использование в качестве языка обучения четырьмя годами, памятуя о необходимости эмоционального развития индивида с тем, чтобы поддержать социально-психологический и культурный климат народа — носителя этого языка, повлиять одновременно на развитие самого языка, который переживает переход к письменной форме и обретает возможность более активного функционирования. Родной/местный язык заменяется сначала арабским языком, а потом — английским. Официальная политика в южных провинциях направлена на внедрение арабского и английского языков как учебных предметов на более раннем этапе. Арабский язык функционирует в качестве языка обучения, начиная с пятого класса, на всех этапах обучения, кроме начального.

Распределение языков, сложившееся в системе образования вследствие целенаправленной языковой политики, существенным образом сказывается на владении языком межэтнического общения городским и сельским неарабским населением, на функционировании африкано-арабского, арабо-английского, африкано-английского и африкано-африканского двуязычия в различных сферах.

Говоря о тенденциях в развитии социолингвистической ситуации в Южном Судане, следует отметить, что в среде правящей элиты все глубже осознается этническая, культурная и политическая индивидуальность региона, его отличие от северных провинций, все большее распространение получает идея о суверенном существовании. Неудивительно, что многие представители элиты предпочитают употреблять в качестве лингва франка английский язык даже в контактах с северянами, в то время как представители нижних социальных слоев, в подавляющем большинстве — неграмотные, используют для этих же целей обиходно-разговорный арабский язык. По мнению ряда специалистов, функция лингва франка, которая раньше безоговорочно принадлежала в Южном Судане арабскому языку, начала переходить, если судить по подавляющему большинству представителей элиты, к английскому.

Сегодня статус арабского языка как официального и лингва франка поддерживается национальной автономией региона, системой коммуникации, средствами массовой информации. Однако распространение арабского языка, активизация политики арабизации вызывают рост националистических и сепаратистских настроений, тревоги среди племенной знати и у немногочисленных представителей африканской интеллигенции, особенно у тех, кто получил образование на английском языке. В качестве альтернативы арабскому выдвигается требование о сохранении английского языка в качестве официального языка национально-территориальной автономии и защите национальных африканских культур от арабизации. Сохранение функций бывшего колониального языка, даже огра-

ниченное, можно объяснить не только тем, что он перестал быть орудием политики угнетения, но и ростом политической конфронтации между Югом и Севером страны. Немаловажную роль в этом движении играет тот факт, что многие племена на Юге исповедуют христианство.

Успешное решение языковых вопросов — процесс длительный и сложный, оно во многом зависит от политического решения проблемы взаимоотношений Севера и Юга, осознания того факта, что обострение разногласий происходит не столько из-за наличия многих языков, сколько из-за конфликта интересов, которые они выражают, понимая, что очаговой специфике языковой ситуации в Южном Судане должна соответствовать локальная (региональная) языковая политика, учитывающая все многообразие факторов, составляющих языковую специфику этого региона и всей страны.

Прогнозируя языковое развитие в арабском регионе в связи с проведением языковой политики, мы также учитываем особенности миграции населения, тип расселения носителей арабского и других языков. В отдельных странах (Судан) подавляющее большинство населения составляют сельские жители, в других (Мавритания, Тунис) быстро растет численность городского населения, для третьих характерно компактное проживание национальных меньшинств (кабилы в Алжире).

Языковая жизнь в арабских странах благодаря политике арабизации, в отличие от основной тенденции мирового языкового развития в направлении двуязычия, ориентирована на одноязычие. В этой позиции отражаются не только арабский национализм, стремление усилить позиции ислама и арабо-мусульманской культуры, боязнь утраты приоритета своего языка, беспокойство за его будущее, но и страх перед продолжающимся функционированием иностранных языков в ряде весьма престижных сфер, которые, по мнению идеологов арабизации, должны обслуживаться только арабским языком. Для идеологов арабизации литературный язык — не просто составная часть культуры, но воплощение исторического прошлого народа, символ целостности самой культуры, незыблемая основа единства всего народа.

Способствуя упрочению положения арабского литературного языка за счет народно-разговорного языка, функционирование которого, по мнению арабских идеологов, подрывает саму основу единства арабского этноса, арабизация благоприятствует возрождению и закреплению арабских культурных традиций, развитию арабской материальной и духовной культуры. Наряду со специфическими особенностями, характерными для развития культуры в каждой арабской стране, происходит упрочение и развитие общеарабских культурных ценностей. По своему содержанию и направленности арабизация является перспективной и демократической акцией, но вместе с тем — и ретроспективной националистической. В полиэтнических странах она содержит в себе антидемократические и националистические элементы и играет роль интегрирующего (для арабов) и дезинтегрирующего (для арабов и других национальных меньшинств)

шинств) факторов, усиливает национально-культурное размежевание, т. е. о ней можно говорить как о конструктивной идее, с одной стороны, и деструктивной, с другой.

Не следует считать, что само проведение арабизации автоматически служит «духовной деколонизацией». Многое в данной области зависит от характера политической и культурной ориентации той или иной страны. Это хорошо видно при всестороннем анализе особенностей политики арабизации в странах Машрика и Магриба, при изучении опыта Алжира, Туниса, Марокко, Мавритании и ряда других стран.

Среди множества факторов, противодействующих арабизации, наиболее важную роль играет широкое распространение иностранных языков (прежде всего французского), которые, несмотря на многолетнее независимое существование арабских государств, сохраняют прочные позиции во многих сферах общественной и культурной жизни, особенно в странах Северной Африки.

Функционирование иностранных языков поддерживается за счет следующих факторов: а) арабская крупная буржуазия, бюрократические круги, отдельные слои мелкой буржуазии цепко держатся за иностранный язык, видя в нем средство защиты собственного привилегированного положения; б) иностранный язык способствует непосредственному контакту между определенными арабскими и зарубежными социальными слоями; в) буржуазия и интеллигенция неарабских этнических групп населения отдают предпочтение употреблению иностранного языка, выражая тем самым протест против политики арабизации.

Оценивая роль иностранного языка, следует отметить, что в настоящее время иностранный язык действительно все еще представляет более широкие возможности, чем арабский в его нынешнем состоянии, для ознакомления арабов с культурой и техническими достижениями других народов. Он открыл двери в современную цивилизацию с ее достижениями науки и техники, с ее ценностями демократии и прогресса. Однако употребление иностранных языков в условиях, сложившихся в 70–90 годы XX века в арабских странах, может способствовать и культурной экспансии Запада. Так, в Алжире и в начале 90-х годов считают неприемлемой формулу взаимоотношений в рамках франкофонии из-за политического доминирования Франции (Известия, 21 марта 1992 г.).

Иностранная культура усиливает центробежные тенденции в арабском мире. Наряду с другими факторами, в первую очередь экономического характера, знание иностранного языка способствует росту эмиграции из арабских стран как интеллигенции, так и рабочих. Языковую политику арабских стран следует рассматривать в качестве важного средства для решения проблем, стоящих перед арабским обществом в области социально-политического и культурного развития. Через организацию перевода на арабский язык можно обращаться к культурам разных народов, заимствуя у них то, что больше всего соответствует интересам арабских стран, полнокровному и разумному синтезу восточного и западного, Машрика и Магриба.

Целесообразно отказаться от получившего широкое распространение взгляда на арабский язык и арабскую культуру как на нечто застывшее, мешающее действительному прогрессу. Да и сама языковая политика не должна сводиться только к распространению и совершенствованию арабского языка, расширению его возможностей как коммуникативного средства, способного обеспечить все нужды развивающегося на современной материально-технической базе арабского общества, к сохранению традиционных ценностей арабской культуры. Этому процессу не противоречит использование иностранных языков (английского, французского и других) как дополнительного коммуникативного средства, помогающего развитию самого общества. Вопросы развития и функционирования всех местных национальных языков, как и проблемы двуязычия (местный язык — арабский, арабский — местный язык, арабский — французский) являются важным аспектом в разработке языковой политики. Не конфронтация арабский — французский, а рациональное распределение функционирующих языков, ускоренное развитие всеобщего начального и среднего образования, его демократизация, целенаправленная активная языковая политика, с одной стороны, способствующая совершенствованию арабского языка, более полному проявлению его коммуникативных и интегрирующих функций, развитию арабской культуры, а с другой — ориентирующаяся на двуязычное или даже многоязычное обучение, подъем культурного уровня всего населения, обеспечивают решение многих социокультурных проблем, стоящих перед арабскими странами. Внешний аспект языковой политики касается в первую очередь стран так называемой Черной Африки, Индийского субконтинента и Юго-Восточной Азии.

Наблюдаемое в настоящее время в 35 странах, где большинство населения исповедует ислам, региональное «пробуждение» связано не только с углублением исламского сознания, но и с распространением арабского языка и культуры среди исповедующих ислам различных этнических групп. Общая численность мусульманского населения в мире составляет почти миллиард человек. Для большинства образованных мусульман арабский язык является религиозным, он включен в программу многих государственных школ в большинстве стран южнее Сахары, изучается в учебных заведениях многих азиатских стран. Арабские страны помогают странам Африки и Азии организовать преподавание арабского языка. Они используют различные способы для распространения арабского языка. Культурное сотрудничество арабских стран со странами традиционного распространения ислама (вполне вероятно, что среди этих стран в самое ближайшее время могут оказаться и мусульманские республики бывшего Советского Союза, а также России) является составной частью внешнего аспекта языковой политики. Наряду с активной деятельностью различного рода международных мусульманских организаций, оно способствует использованию арабского языка в качестве международного, который нередко в состоянии конкурировать с европейскими языками.